

Но, анализируя язык, выявляя диалектизмы (фонетические, морфологические и лексические), мы все время должны стремиться те из них, которые могли проникнуть в язык памятника от его переписчиков и редакторов, отделить от тех, которые присущи памятнику как таковому. Работа эта очень сложна и, по существу, требует специальных знаний. В данном случае текстолог всегда должен обращаться за помощью к опытному лингвисту, специалисту-диалектологу и историку языка.

Атрибуция

Вопрос об авторстве того или иного произведения в древнерусской литературе гораздо сложнее, чем в литературе нового времени. Здесь много неясного в самой своей основе: кого называть автором в древнерусской литературе и что называть его произведением, как отграничить одного автора от другого, автора от компилятора, компилятора от переписчика, различные произведения друг от друга, в какой мере показания идейного содержания и стиля могут считаться достоверными доказательствами принадлежности произведения тому или иному автору и т. д.

Прежде всего — что называть произведением в древней русской литературе, как отграничить одно произведение от другого и, следовательно, как разграничить работу авторов?

В решении этой проблемы есть специальные трудности. Многие из произведений древнерусской литературы представляют собой коллективные, многослойные произведения, компиляции или литературные обработки предшествующих произведений. В составлении некоторых памятников древней русской литературы принимало участие много авторов, работавших разновременно, дополнявших и переделывавших работу своих предшественников.

Известно, что летописи представляют собой своды предшествующего летописного материала. Работа различных летописцев соединена в них не крупными кусками, а по большей части отдельными небольшими летописными статьями под каждым годом отдельно. Работа по атрибуции отдельных летописных текстов связана поэтому прежде всего с работой по раслаиванию летописи и по ее хронологизации.

Точно такое же соединение многих мелких авторских текстов представляют собой хронографы, степенные книги, отчасти некоторые исторические повести и т. д.¹

Житие святого также представляет собой по большей части соединение работ многих авторов. Как правило, дополнительные части в житиях святого — рассказы о его посмертных чудесах — составлялись позднее и принад-

¹ О компилятивности палейных и хронографических текстов можно наглядно судить по описанию их состава в кн.: О. В. Творогов. Древнерусские хронографы. С. 237—304.

лежали различным авторам. Но и основной текст жития часто представляет собой «украшенный» текст, составленный на основе первоначального, «неукрашенного» и частично сохраняющий этот первоначальный текст. Очень трудно, например, отделить работу Епифания Премудрого от работы Пахомия Серба в Житии Сергия Радонежского¹.

Даже в тех случаях, когда перед нами безусловно произведение одного автора, представляется иногда нелегким отделить его самостоятельную творческую работу от нетворческого включения заимствований из других памятников, обработки фольклорного или письменного материала.

Здесь мы подходим еще к одному сложному вопросу: как отделить работу автора от работы редактора. Дело в том, что одно и то же лицо часто выступает и как автор — для тех частей произведения, которые пишутся им самостоятельно, и как редактор — для тех частей, где им только обрабатываются предшествующие источники. Так часто бывает в летописании и хронографии, но так же бывает и в других сочинениях, по преимуществу исторического характера. Вот почему исследователи древней русской литературы нередко вынуждены говорить не об авторах, а о древнерусских «книжниках» вообще, или о компиляторах, «сводчиках», летописцах и т. д., каждый раз применяя особый термин к тому роду работы, которая была выполнена по данному произведению. Понятие «автор» оказывается слишком общим и неточным в применении к большинству древнерусских произведений. Понятие «автор» даже в большей степени неопределенно, чем понятие «авторский текст».

Древняя русская литература в отношении к авторству своих произведений занимает переходное положение между коллективным народным творчеством и индивидуальным творчеством нового времени. Коллективное начало в нем очень сильно, текст произведений неустойчив, подвижен, а понятие авторской собственности весьма своеобразно.

Исследователь древней русской литературы, решая вопрос об авторстве, вынужден не отделять его от вопросов строения произведения, истории его создания, определения времени его возникновения в целом и в отдельных частях, от судьбы текста в последующее время, от вопроса о сохранности авторского текста и т. д. Определяя автора того или иного произведения, исследователь обязан точно оговаривать — в чем выразилось это авторство, где и в каких частях оно проявилось полностью, а где частично и т. д. Простая атрибуция произведения далеко недостаточна, — надо каждый раз конкретно определять не только автора, но и его авторскую работу.

Следовательно, применительно к древней русской литературе, мы должны сказать, что вопрос об атрибуции произведения есть частный вопрос истории текста этого произведения. В дальнейшем мы продемонстрируем это положение на конкретных примерах.

¹ В. П. Зубов. Епифаний Премудрый и Пахомий Серб (к вопросу о редакциях «Жития Сергия Радонежского»). — ТОДРЛ, т. IX. М.; Л., 1953.

История древней русской литературы знает очень много примеров недостаточно обоснованных атрибуций. Нередко болезненное стремление к значительным выводам и «открытиям» без уравнивающего это стремление чувства научной ответственности приводит к поспешным, хотя и эффективным выводам. Поскольку эффектные выводы легче всего удаются на значительных произведениях, — больше всего различного рода атрибуций было сделано в отношении известнейших памятников. Кого только ни предлагали, например, в авторы «Слова о полку Игореве»: Митусу, Беловолода Проновича, Кочкаря — милостника Святослава Киевского¹, сына тысяцкого, самого князя Игоря и т. д.

Особенно опасен путь, на который, к сожалению, очень часто становятся исследователи, — это путь приписывания одному более или менее известному автору тех или иных значительных произведений одновременной ему литературы. Так, например, Пахомию Сербу, известному автору середины XV в., приписывалось сказание о князьях Владимирских², старцу псковского Елеазарова монастыря Филофею, создателю известной теории Москва — третий Рим, — Хронограф 1512 г.³, Ивану Грозному — сочинения Ивана Пересветова⁴ и т. д. Как правило, чем известнее лицо, которому приписывается то или иное произведение, тем меньше приводится доказательств, тем «общее» и неопределеннее соображения, по которым эта атрибуция производится.

П. Н. Берков совершенно правильно пишет: «Сравнительное текстоведе-ние или сравнительное изучение текстов показывает, что “нормальный”, “естественный” путь всяких приурочиваний анонимных произведений идет по линии атрибуции их крупным, а не мелким, литературным деятелям. Наоборот, в подавляющем числе случаев приписывание анонимного произведения мелкому автору бывает безошибочным»⁵.

Говоря о такого рода атрибуциях произведений какому-либо известному историческому лицу, Б. В. Томашевский остроумно замечает: «Иногда в основе такого приписывания лежит простое невежество и тяга к крупному

¹ С. Тарасов. Возможный автор «Слова о полку Игореве». — Новый журнал, Нью-Йорк, 1954. XXXIX.

² И. Н. Жданов. Русский былевой эпос. СПб., 1898. С. 1–151. — Возражения И. Н. Жданову см. в книге Р. П. Дмитриевой «Сказание о князьях владимирских» (М.; Л., 1955).

³ А. А. Шахматов. К вопросу о происхождении Хронографа. СПб., 1899. — Возражения А. А. Шахматову см. в книге Н. Н. Масленниковой «Присоединение Пскова к русскому централизованному государству» (Л., 1955. С. 162–164).

⁴ И. И. Половин. О челобитных Пересветова. — Учен. зап. Моск. гор. пед. ин-та, 1946, т. XXXV. С. 25–55. Ср. также: С. Вилинский. Новые труды по изучению деятельности Ивана Пересветова. — ЖМНП, 1908, сент. С. 185–192.

⁵ П. Н. Берков. «Хор ко превратному свету» и его автор. — В кн.: XVIII век, сборник статей и материалов, под редакцией А. С. Орлова. М.; Л., 1935. С. 197–198.

имени. Оно отлично сформулировано Гоголем в "Записках сумасшедшего" (запись 4 октября): "Дома большей частью лежал на кровати. Потом переписал очень хорошие стишки: "Душеньки часок не видя, думал, год уж не видал; Жизнь мою возненавидя, Лъзя ли жить мне, я сказал". Должно быть Пушкина сочинение"»¹.

Очень часто исследователи, приписывающие то или иное произведение какому-либо известному автору, ограничиваются косвенными соображениями, не приводя решающих аргументов. Необходимо прямо сказать, что косвенные соображения, как много бы их ни было, не могут иметь полной силы, особенно если эти косвенные соображения в свою очередь опираются на гипотезы и побочные соображения. Косвенные соображения могут лишь подкреплять основной довод.

В статье «Повесть XIII века об Александре Невском», опубликованной в 1957 г. (Учен. зап. МГПИ, т. XVII), Н. В. Водовозов пришел к выводу, что «Слово о погибели Русской земли», «Повесть об Александре Невском» (т. е. его житие) и «Моление Даниила Заточника» написаны одним автором — Даниилом Заточником. Главный аргумент Н. В. Водовозова, которому подчинены остальные, следующий: мог ли молчать Даниил, когда Русская земля лишилась такого великого сына, как Александр Невский? Если Даниил был жив (а это, судя по его возрасту, вполне вероятно, так как в год смерти Александра ему было бы лет 65 или только немногим более), то кто же как не он взялся бы за благодарную задачу рассказать о жизни и подвигах такого человека, который не только соответствовал его идеалу главы государства, но и лично для него был «добрым», идеальным господином?

Итак, основной аргумент, объединяющий автора «Моления», с одной стороны, и автора «Жития Александра Невского» и «Слова о погибели Русской земли» — с другой, состоит в том, что, кроме Даниила, некому было написать «Житие» («кто же как не он»). Остальные соображения — это только различные допущения и предположения, пытающиеся биографически объяснить некоторые частности «Жития» и «Моления».

Если идти дальше путем объединения авторов различных произведений, строя эти объяснения исключительно на вопросе «кто же как не он» и на различного рода допущениях, то легко свести все многообразие древнерусских писателей к двум—трем в каждом поколении. Это о б ъ е д и н е н и е авторов, которое, к сожалению, делается у нас очень часто, есть не что иное, как о б е д н е н и е литературы. Оно зиждется на представлении, что писателей было мало и писать было некому.

Но есть и другие причины, вызывающие обилие слабо обоснованных атрибуций. Одна из этих причин: отсутствие точного учета особых трудностей атрибуции в древнерусской литературе. Нередко приемы атрибуции, выработанные на материале новой русской литературы, механически применяются к древней.

¹ Б. В. Томашевский. Писатель и книга. Очерк текстологии. Изд. 2-е. М., 1959. С. 190—191.

Специфические трудности атрибуции древнерусских литературных произведений легче всего установить, сравнив методы и приемы атрибуции произведений новой русской литературы и древней. При этом оказывается, что многое из того, что в новой русской литературе имеет силу доказательства, к атрибуции древнерусских литературных произведений вообще неприменимо или применимо с большими ограничениями.

В статье Л. Д. Опульской «Документальные источники атрибуции литературных произведений»¹ перечисляются данные, имеющие силу документального свидетельства о принадлежности произведения новой литературы тому или иному автору. Полезно привести эти данные и определить их применимость к произведениям древнерусской литературы.

Первое документальное свидетельство — это полная подпись, а также подпись общеизвестным псевдонимом². Подписи в Древней Руси до XVII в. вообще не употреблялись. Надписывание же произведения в заглавии или в конечной приписке именем какого-либо книжника доказательной силы иметь не может, так как при этом, с одной стороны, не было, как мы уже отмечали выше, точного разграничения авторов, компиляторов, редакторов и переписчиков, а с другой стороны, произведение могло быть приписано известному писателю (русскому или нерусскому) для придания ему большей авторитетности.

Другим документальным свидетельством для новой литературы Л. Д. Опульская считает составленные авторами списки собственных произведений. Такого рода списки авторы Древней Руси обычно не составляли.

Документальным свидетельством в новой литературе Л. Д. Опульская считает также «включение напечатанного некогда без подписи произведения в авторизованное издание избранных произведений»³, а также в издания, которые осуществлялись лицами, близко знавшими автора и бывшими свидетелями его творчества. Это свидетельство также неприменимо к древней русской литературе. Не говоря уже о том, что в Древней Руси не было ничего похожего на издания сочинений одного автора, не могло быть и авторизации произведений. Правда, в Древней Руси известны подборки произведений одного автора, переписывавшиеся из рукописи в рукопись как единое целое, и включение в эту подборку того или иного произведения составляет довольно сильное свидетельство в пользу принадлежности его тому же автору, что и соседние, однако все же полной доказательности это включение не имеет. До нас дошли подборки сочинений Кирилла Туровского, Серапиона Владимирского, Пахомия Серба, Максима Грека, Ивана Пересветова,

¹ Вопросы текстологии. Сборник статей, вып. 2. М., 1960.

² Там же. С. 18.

³ Там же. С. 29.

Ивана Грозного, Ермолая Еразма, различных авторов (особенно часто проповедников), однако при отсутствии других данных (хотя бы косвенных) одно только включение в собрание сочинений не может быть убедительным, так как известны подборки, которые делились не только по признаку принадлежности произведений одному автору, но и по признаку их тематической близости. В подборку по признаку принадлежности сочинений одному автору какой-нибудь из переписчиков мог легко вставить то или иное заинтересовавшее его произведение, близкое по теме к остальным, которое затем последующими переписчиками закреплялось в этом своеобразном «собрании сочинений».

Следующие документальные свидетельства относительно авторской принадлежности произведений новой литературы, приводимые Л. Д. Опульской, вовсе не применимы к литературе древнерусской: это сведения, почерпнутые в архивах редакций, конторских книгах, гонорарных ведомостях и счетах; сведения о круге сотрудников того или иного периодического издания, о времени их участия в нем.

Важным документальным свидетельством для новой литературы Л. Д. Опульская считает «автопризнания и автоотрицания»¹, содержащиеся в автобиографиях, дневниках, письмах, мемуарах; носящие характер автопризнаний пометы печатных изданий и рукописных сборников и т. д. Нечто похожее мы можем встретить и в древней русской литературе, но в весьма ограниченных, сравнительно с новой литературой, масштабах. Иногда в своем точно установленном произведении автор ссылается на другое произведение, как на принадлежащее ему же; или наоборот: в произведении неатрибутированном дается ссылка на произведение атрибутированное, как на принадлежащее ему же.

Менее достоверны отсылки и признания в заголовочной части произведения: «Того же инока слово второе», или «Иное сказание того же писателя» и т. д. Меньшая достоверность такого рода ссылок объясняется тем, что заголовочные части произведений очень часто меняются первоисточниками и компиляторами. Перед нами, следовательно, не «автопризнание», а мнение переписчика или компилятора — мнение, вызванное при этом иногда чисто случайными обстоятельствами, случайными соображениями.

Одним из наиболее важных документальных свидетельств принадлежности тому или иному автору являются для новой литературы автографы. «В ряду документальных источников, которые могут свидетельствовать об авторской принадлежности, — пишет Л. Д. Опульская, — первостепенная роль принадлежит рукописи. Рукопись, если она отражает результаты творческой работы, служит бесспорным свидетельством авторской принадлежности»².

¹ Вопросы текстологии. С. 19.

² Там же. С. 13.

Автографов писателей Древней Руси (до XVII в.) почти не сохранилось — их не берегли. Не сохранилось автографов даже Ивана Грозного или Нила Сорского. Случайно дошли незначительные автографы Пахомия Серба, Максима Грека и некоторых других. Следовательно, и это документальное свидетельство мало применимо к древней русской литературе.

Гораздо легче применить к древней русской литературе последнюю группу «документальных свидетельств», приводимую Л. Д. Опульской: разнообразные фактические данные, содержащиеся в самих текстах анонимных произведений. «Автор сообщает, например, факты своей биографии или биографии близких ему лиц, называет другие свои произведения, приводит из них цитаты. В самом произведении удастся тогда почерпнуть сведения о том, к какой эпохе и социальному кругу принадлежал автор, где или когда он родился, где бывал, с кем встречался, какие читал книги и проч.»¹. Можно прямо сказать, что наиболее ответственная, первоочередная задача всякого исследователя древней русской литературы, занимающегося поисками автора произведения, заключается во внимательном чтении изучаемого произведения для выявления всей фактической стороны, которая могла бы свидетельствовать об авторе, его социальной принадлежности, времени его жизни, круге лиц, с ним связанных, его литературной эрудиции, стиле и языке его произведений и т. д. При этом надо учитывать не только те данные, которые свидетельствуют о том или ином возможном авторе, но и те, которые прямо или косвенно отводят авторство некоторых известных в истории литературы лиц. Последнее редко делается исследователем, между тем обязанность каждого исследователя, закончив доказательства любого выдвигаемого им положения, — еще раз внимательным образом проверить весь касающийся изучаемого им вопроса материал с той точки зрения: нет ли в этом материале чего-либо, что могло бы противоречить его выводу. Такого рода заключительной, контрольной проверки требует научная добросовестность исследователя. В большинстве случаев отсутствие такой контрольной проверки легко себя обнаруживает.

Заканчивая вопрос о сравнении «документальных свидетельств» для атрибуции в древней русской литературе и в новой русской литературе, необходимо отметить, что свидетельств этих для древнерусской литературы значительно меньше. Каждое из свидетельств не может быть принято само по себе. Необходимо соотнести его со всеми другими данными. Это собственно касается и новой литературы, но особенно следует учитывать это правило специалисту по древней русской литературе. Вот почему, забегаая несколько вперед, еще раз скажем: установить принадлежность того или иного произведения древнерусскому автору мы можем только в результате работы над историей текста изучаемого произведения. Только убедительные свидетельства по истории текста могут быть и убедительными же свидетельствами в

¹ Вопросы текстологии. С. 44.

пользу той или иной атрибуции. Еще раз повторим: атрибутировать произведение, не зная истории его текста, в древнерусской литературе невозможно. В этом, как мы уже говорили, одна из специфических сторон проблемы атрибуции в исследованиях по древнерусской литературе.

Остановимся на одном из самых важных для древней русской литературы вопросов атрибуции: как отличить переписчика от автора. Дело не только в том, что работа переписчика и работа автора часто переходят одна в другую, но и в том, что в приписках и записях не всегда понятно — идет ли речь о переписчике или об авторе произведения. Вот, например, известная запись игумена Сильвестра в Лаврентьевской летописи под 1110 г.: «Игумен Сильвестр святаго Михаила написах книги си летописець, надеяся от бога милость прияти, при князи Володимере, княжащю ему Кыеве, а мне в то время игуменящю у святаго Михаила в 6624, индикта 9 лета; а иже чететь книги сия, то буди ми в молитвах».

На основании этой записи летописец начала XV в., составивший повесть об Едигее 1409 г.¹, считал Сильвестра автором Начальной русской летописи — «начальным летословцем киевским» и называл его «великим». Впоследствии, в XIX в., Сильвестра считали то автором, то переписчиком «Повести временных лет», и только А. А. Шахматовым было установлено, что Сильвестр в основном был редактором «Повести временных лет» и автором некоторых ее заключительных частей. К этому выводу А. А. Шахматов пришел в результате полного изучения всей истории текста «Повести временных лет».

Любопытны расхождения, возникающие по вопросу о роли монаха Лаврентия, оставившего о себе заключительную приписку в рукописи Лаврентьевской летописи: «Радуется купець, прикуп створив, и корьмчий, в отишье пристав, и странник, в отечьство свое пришед, тако ж радуется и книжный списатель, дошед конца книгам. Тако ж и аз худый недостойный и многогрешный раб божий Лаврентий мних. Начал есм писати книги сия, глаголемый Летописець, месяца генваря в 14 на память святых отець наших авва в Синаи и в Раифе избьеных князю великому Дмитрию Костянтиновичю, а по благословенью священнаго епископа Дионисья. И кончал есм месяца марта в 20 на память святых отець наших, иже в монастыри святаго Савы избьеных от срацин, в лето 6885 (1377. — Д. Л.), при благоверном и христочлюбивом князи великом Дмитрии Костянтиновичи и при епископе нашем христочлюбивем священном Дионисье Суждальском и Новгородском и Городьском. И ныне господа отци и братья, оже ся где буду описал или переписал или не дописал, чтите исправливая бога дея, а не клените,

¹ Повесть эта читается под 1409 г. в Симеоновской летописи, Рогожском летописце и Никоновской летописи.

занеже книги ветшаны, а ум молод, не дошел. Слышите Павла апостола глаголюща: не клените, но благословите. А со всеми нами хрестьяны Христос бог наш сын бога живаго, ему же слава и держава, и честь и поклонянье со отцем и с святым духом. И ныне и присно в веки, аминь»¹.

М. Д. Приселков на основании изучения состава Лаврентьевской летописи, привлекая к этому изучению несколько десятков родственных летописных списков, приходит к выводу, что Лаврентий механически переписывал «ветшаны» тверской летописец 1305 г. — и только. В противоположность М. Д. Приселкову В. Л. Комарович на основании не менее тщательного изучения Лаврентьевского списка и родственных летописей приходит к выводу, что Лаврентий был самостоятельным летописцем, менявшим текст предшествующей летописи и внесшим в нее свою историческую концепцию. Лаврентий пропустил в своей летописи обличение в небратолюбии рязанских князей — обличение, которое острием своим было направлено против Юрия Всеволодовича Владимирского, вставил под 1239 г. похвалу Юрию, убрал все то, что представляло его в невыгодном свете; вместе с тем Лаврентий упомянул в своей похвале Юрию Нижегородский Благовещенский монастырь, постриженником которого Лаврентий был.

Это особое отношение нижегородца Лаврентия — монаха нижегородского Благовещенского монастыря — к владимирскому князю Юрию Всеволодовичу В. Л. Комарович объясняет тем, что Юрий Всеволодович был основателем Нижнего Новгорода и Благовещенского монастыря. Лаврентий составлял свою летопись по инициативе нижегородского архиепископа Дионисия в связи с учреждением им второго на Руси архиепископства в Нижнем Новгороде². Следовательно, для В. Л. Комаровича Лаврентий не переписчик, а летописец, внесший в свою летопись довольно определенные взгляды на историю Нижнего Новгорода и Владимирского княжества³.

Чтобы доказать, что запись о «написании» памятника тем или иным лицом имеет в виду именно автора, а не переписчика или составителя одной из редакций, необходимо иметь дополнительные данные — в первую очередь о распространенности этой записи (запись во всех или в большинстве списков будет свидетельствовать об авторе, запись в списках только одной редакции будет свидетельствовать в пользу того, что в ней говорится о редакторе-составителе этой редакции или о писце). Кроме того, необходимы и другие доказательства, что лицо, названное в приписке, действительно могло быть автором произведения.

¹ Лаврентьевская летопись, вып. 2. — ПСРЛ, т. I. Изд. 2-е. Л., 1927, стб. 487–488.

² См. раздел «Лаврентьевская летопись» в кн.: История русской литературы, т. II, ч. I. М.; Л., 1945. С. 90–96.

³ См. также: Г. М. Прохоров. Кодикологический анализ Лаврентьевской летописи. — В кн.: Вспомогательные исторические дисциплины, т. I. Л., 1972; Я. С. Лурье. Лаврентьевская летопись — свод начала XIV в. — ТОДРЛ, т. XXIX. Л., 1974.

занеже книги ветшаны, а ум молод, не дошел. Слышите Павла апостола глаголюща: не клените, но благословите. А со всеми нами хрестьяны Христос бог наш сын бога живаго, ему же слава и держава, и честь и поклонянье со отцем и с святым духом. И ныне и присно в веки, аминь»¹.

М. Д. Приселков на основании изучения состава Лаврентьевской летописи, привлекая к этому изучению несколько десятков родственных летописных списков, приходит к выводу, что Лаврентий механически переписывал «ветшаный» тверской летописец 1305 г. — и только. В противоположность М. Д. Приселкову В. Л. Комарович на основании не менее тщательного изучения Лаврентьевского списка и родственных летописей приходит к выводу, что Лаврентий был самостоятельным летописцем, менявшим текст предшествующей летописи и внесшим в нее свою историческую концепцию. Лаврентий пропустил в своей летописи обличение в небратолюбии рязанских князей — обличение, которое острием своим было направлено против Юрия Всеволодовича Владимирского, вставил под 1239 г. похвалу Юрию, убрал все то, что представляло его в невыгодном свете; вместе с тем Лаврентий упомянул в своей похвале Юрию Нижегородский Благовещенский монастырь, постриженником которого Лаврентий был.

Это особое отношение нижегородца Лаврентия — монаха нижегородского Благовещенского монастыря — к владимирскому князю Юрию Всеволодовичу В. Л. Комарович объясняет тем, что Юрий Всеволодович был основателем Нижнего Новгорода и Благовещенского монастыря. Лаврентий составлял свою летопись по инициативе нижегородского архиепископа Дионисия в связи с учреждением им второго на Руси архиепископства в Нижнем Новгороде². Следовательно, для В. Л. Комаровича Лаврентий не переписчик, а летописец, внесший в свою летопись довольно определенные взгляды на историю Нижнего Новгорода и Владимирского княжества³.

Чтобы доказать, что запись о «написании» памятника тем или иным лицом имеет в виду именно автора, а не переписчика или составителя одной из редакций, необходимо иметь дополнительные данные — в первую очередь о распространенности этой записи (запись во всех или в большинстве списков будет свидетельствовать об авторе, запись в списках только одной редакции будет свидетельствовать в пользу того, что в ней говорится о редакторе-составителе этой редакции или о писце). Кроме того, необходимы и другие доказательства, что лицо, названное в приписке, действительно могло быть автором произведения.

¹ Лаврентьевская летопись, вып. 2. — ПСРЛ, т. I. Изд. 2-е. Л., 1927, стб. 487–488.

² См. раздел «Лаврентьевская летопись» в кн.: История русской литературы, т. II, ч. I. М.; Л., 1945. С. 90–96.

³ См. также: Г. М. Прохоров. Кодикологический анализ Лаврентьевской летописи. — В кн.: Вспомогательные исторические дисциплины, т. I. Л., 1972; Я. С. Лурье. Лаврентьевская летопись — свод начала XIV в. — ТОДРЛ, т. XXIX. Л., 1974.

Так, В. И. Малышев определил автора «Повести о прихождении Стефана Батория на град Псков» — изографа Василия. Определение это в основном сделано на основании приписки: «Списана же бысть повесть сия в том же богохранимом граде Пскове, от жителя того же града, художеством зграфа, имя же ему есть сице: единица дважды со едином, пятьдесятница же усугубити дважды, и четверица сугубо, десятирица же трижды и четверица сугубо, совершает же ся десятирицею, и всех обрящещи письмен семь»¹. Расшифровывается эта тайнопись — «Василий».

Однако ввиду того, что существовало мнение, что «Повесть» написана в Москве в кругах, близких к Ивану Грозному, и только позже перешла в Псков и стала там переписываться², В. И. Малышев прежде всего обосновывает ту мысль, что повесть написана псковичем (по данным языка) в Пскове и очевидцем обороны. Далее В. И. Малышев обосновывает ту мысль, что повесть действительно написана иконописцем (зрительные, иконописные образы, употребление термина «левкас», профессиональный интерес к описанию икон, вероятность того, что оригинал был иллюстрирован автором и пр.). Отмечает В. И. Малышев и авторитетность списков, имеющих приписку³.

Таким образом, для установления авторства в ряде случаев необходимо определять специфические особенности творчества, которые могли быть свойственны только данному, поименованному в произведении автору (ср. выше: черты, свойственные иконописцу, при записи о «написании» произведения иконописцем), восстанавливать историю текста произведения и точно определять характер и объем работы предполагаемого автора.

Даже, казалось бы, совершенно точные указания автора произведения в его заголовке должны быть принимаемы с большой осторожностью. В самом деле, бывают случаи, когда одно и то же произведение приписывается в разных списках различным авторам. Так, распространенное проложное «Сказание о князе Михаиле Черниговском» из пергаменного сборника XIV–XV вв. ГПБ (Соф., № 1365) имеет следующий заголовок: «Слово новосвятою мученику, Михаила князя русскаго, и Феодора воеводы первого в княжении его. Сложено въ кратце на похвалу святыма отцемъ Андреем»⁴. Почти тот же текст в рукописи ГИМ, собр. Уварова конца XIV в., № 330 (613) и некоторых других имеет другое указание в заглавии: «С о т в о р е н о И о а н н о м е п и с к о п о м»⁵. Если бы не было этого случайного разноречия

¹ В. И. Малышев. Повесть о прихождении Стефана Батория на град Псков. — М.; Л., 1952. С. 98–99.

² М. Н. Тихомиров. Повесть о прихождении Стефана Батария на град Псков. — Изв. АН СССР, ОЛЯ, 1953, т. II, вып. 2. С. 172–173.

³ См. подробнее: В. И. Малышев. Где и кем была написана «Повесть о прихождении Стефана Батория на град Псков». — «На берегах Великой», псковский литературный альманах, 1954, № 5. С. 170–176.

⁴ Н. Серебрянский. Древнерусские княжеские жития (обзор редакций и тексты). М., 1915. Приложения. С. 55.

⁵ Там же. С. 59.

списков, распространенная редакция проложного «Сказания о Михаиле Черниговском», а может быть, и все «Житие Михаила Черниговского» могло бы быть приписано исследователями либо попу Андрею, либо черниговскому епископу Иоанну.

В подавляющем большинстве случаев, как мы уже отметили, русские литературные произведения вплоть до самого XVII в. не подписывались именем автора. Исключение по большей части составляли церковно-учительные произведения: здесь имя автора увеличивало авторитет поучения, слова, послания. В этого рода произведениях мы наблюдали обратное стремление: выставлять имя какого-либо церковно-авторитетного лица в качестве автора анонимного произведения. Так, очень многие русские поучения были приписаны Иоанну Златоусту.

Приписывание произведения какому-либо известному и авторитетному автору могло происходить и сознательно и «бессознательно». В первом случае писец допускал сознательную фальсификацию, а в последнем случае писец был внутренне убежден в правильности своей атрибуции. Приведем примеры последнего. Древняя русская письменность знает немало авторов Кириллов: Кирилл Иерусалимский, Кирилл Александрийский, Кирилл-Константин Философ, Кирилл Туровский, два Кирилла — епископа ростовских (XIII в.), два Кирилла — митрополита киевских, Кирилл Белозерский и др.¹ В тех случаях, когда в заголовке произведения оно присваивалось просто «Кириллу» без дальнейшей детализации, переписчик рукописи мог произвольно добавить к имени автора уточняющее определение или прозвище, приписав переписываемое произведение наиболее знакомому ему, или наиболее авторитетному из известных ему Кириллов. Так, к имени Кирилла очень часто добавлялось уточнение — «философа» или «Туровского». Поучения с именем Феодосия приписываются обычно Феодосию Печерскому XI в. Послание Иакова Мниха князю Дмитрию приписывалось Иакову Мниху XI в., хотя вероятнее всего, Иаков Мних, автор Послания князю Дмитрию, был писателем XIII в. Произведение Дмитрия Грека приписывалось более известному Дмитрию Герасимову. Игумену Даниилу Паломнику приписывались отдельные паломничества. И так далее.

Возможность такого рода «уточнений», а вернее — смешений одноименных авторов, должна постоянно учитываться исследователями. Между тем

¹ См.: Е. Петухов. К вопросу о Кириллах — авторах в древней русской литературе. — Сборник ОРЯС АН, т. XLII, 1887. — Еще несколько Кириллов-авторов указано у И. У. Будовница в «Словаре русской, украинской, белорусской письменности и литературы до XVIII в.» (М.: Л., 1962): Кирилл — архиепископ вяткий и пермский, Кирилл — игумен Любартовского монастыря, Кирилл Герасимов и др.

сами исследователи иногда увлекаются совпадением имен — при этом самых распространенных. Так, например, среди памятников поморской письменности XVIII в. известна обширная и весьма интересная «Исповедь». В различного рода справочных изданиях и энциклопедиях¹ вслед за С. В. Максимовым² эта «Исповедь» приписывается Ивану Акиндинову главным образом на основании того, что автор ее называет себя Иваном. На самом деле, как основательно доказал по совпадению многих биографических фактов В. И. Малышев, «Исповедь» принадлежит не И в а н у Акиндинову, а И в а н у Филиппову — известному поморскому писателю³.

Иногда имя автора появлялось в заглавии произведения в результате ошибки писца или неправильного осмысления непонятного. В сборнике Уварова № 1244 (863) XVII в. в заглавии «Жития Варлаама Хутынского» читаем «сотворено Пахомием Сербиным тара ермонахом Святыя горы». К этому непонятному «тара», получившемуся из греческого «таха» (τάχα)⁴, другой писец добавил «сием» и тем создал нового автора — «Тарасия»⁵. Тарасий был знакомым лицом для древнерусского писца. В русской письменности было широко распространено связывавшееся с тем же Хутынским монастырем «Видение Хутынского пономаря Тарасия».

В. Н. Перетц указывает такой случай приписывания анонимного произведения известному и авторитетному автору. В сборнике БАН № 21. 9. 33 конца XVIII в. имеется статья (л. 289–306 об) «От послания ко Антиоху князю вопрос 41». Речь в этом сочинении идет о восьмиконечном кресте и об отступлениях от православия «великороссийской церкви», о которых, конечно, не мог писать Афанасий Александрийский (IV в. н. э.), которому это сочинение приписывается. Вопрос действительно заимствован у этого писателя, но ответ распространен так, что подлинный ответ Афанасию Алексан-

¹ Энциклопедический словарь, составленный русскими учеными и литераторами, т. IV. СПб., 1862. С. 409–410 (статья Н. Я. Аристова); С. А. Венгеров. Критико-биографический словарь русских писателей и ученых, т. I. СПб., 1889. С. 581–583 (целиком перепечатана статья Аристова); Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона, т. I. СПб., 1890. С. 789; Русский биографический словарь, т. II. Изд. имп. Русского исторического общества. СПб., 1900. С. 152–153; С. А. Венгеров. Источники словаря русских писателей, т. I. СПб., 1900. С. 77; Большая энциклопедия под редакцией С. Н. Южакова, т. I. СПб., 1903. С. 656; Русская энциклопедия под редакцией С. А. Адрианова, Э. Д. Гримма и др., т. I. СПб., 1911. С. 374; Энциклопедический словарь «Гранат», т. III. 2-е стереотип. изд., М., 1936. С. 132, и др.

² С. В. Максимов. Рассказы из истории старообрядчества. СПб., 1861. С. 163–164.

³ В. И. Малышев. Кто был автором «Исповеди», приписываемой Ивану Акиндинову. — Рус. лит., 1960, № 3. С. 192–194.

⁴ Τάχα μοναχός — недостойный монах. Объяснение этого выражения и краткую историю вопроса см.: Г. Дьяченко. Полный церковнославянский словарь. М., 1899.

⁵ Систематическое описание славяно-русских рукописей собрания гр. А. С. Уварова, ч. 2. М., 1893. С. 487. — Пример взят мною из рукописных материалов В. Н. Перетца.

дрийскому в нем только цитируется¹. Следовательно, в данном случае не произведение приписывается известному автору, а основная мысль этого произведения. Перед нами не фальсификация, а своеобразное средневековое представление об авторстве.

Очевидно, неясным представлением о писателе и о переписчике и неточным разграничением их труда объясняется и то обстоятельство, что общеизвестные сочинения в некоторых рукописях приписываются неизвестным авторам. Так, Житие Марии Египетской, сочиненное константинопольским патриархом Софронием, в рукописи ГПБ XVI в. (F.I.915) приписано некому «Ефросину старцу» («списано быть Ефросином старцем», л. 232 об.)².

Приведенные примеры показывают, с какой осторожностью следует относиться ко всякого рода указаниям авторов, находимым в некоторых рукописях. Вот почему мы не должны торопиться приписывать «Степенную книгу царского родословия» митрополиту Афанасию, «Повести о Николе Заразском» — попу Евстафию второму и т. д. на том преимущественно основании, что лица эти в некоторых списках названы в заголовках произведений или в послесловиях.

Очень большой интерес представляют случаи, когда автор, писец или редактор, хотя и не называют себя по имени, но все же говорят о себе в первом лице. Такие высказывания о себе встречаются в летописании, и в житийной литературе, и в повестях, но чаще всего они проникают в учительную литературу. По этим записям, даже если автор их и не называет себя по имени, мы все же можем о нем кое-что узнать: присутствовал ли он при том или ином событии, каково его личное отношение к описываемому, иногда мы узнаем о его социальном положении, о его местожительстве и т. д. Так или иначе, но мы получаем в руки нить, по которой можем иногда разыскать автора. Это исходные данные. Однако из-за сводного (компилятивного) характера многих древнерусских литературных произведений нередко бывает трудно решить: какая часть произведения принадлежит лицу, заявившему о себе в исследуемом произведении: является ли он автором всего произведения или только его части, был ли он автором или редактором, на каком этапе жизни памятника он внес свои заметки о себе и т. д.

Так, например, в своде повестей о Николе Заразском есть прямое указание на автора: «Сии написа Еустафей второй Еустафьев сын Корсункова на память последнему роду своему» или «Сия бо написа правнук Еустафиев на

¹ В. Срезневский. Описание рукописей и книг, собранных для Академии наук в Олонецком крае. СПб., 1913. С. 352. — Пример этот взят мною из рукописных заметок В. Н. Перетца.

² Указание в рукописных материалах В. Н. Перетца.

память роду своему. Аминь»¹. Даже если мы вполне доверимся правдивости этих записей, то что следует понимать под этими К«сии» или «сия»: только ли статью о роде служителей Николы Заразского, или и «Повесть о перенесении образа Николы Заразского из Корсуня», или еще «Повесть о разорении Рязани Батыем», а может быть, еще и рассказы о чудесах от иконы Николы Заразского? На этот вопрос может ответить только обстоятельное изучение всего цикла повестей о Николе Заразском.

Другой пример. В Новгородской четвертой летописи в различных списках есть несколько записей о себе некоего Матвея Михайлова. Под 1375 г. летописец поместил заметку о своем рождении², под 1382 г. — о смерти своего отца³, под 1405 г. — о смерти своей матери⁴, под 1406 г. — о своем браке⁵, под 1411 г. — о рождении у него сына⁶. Не представляет сомнения, что перед нами семейные записи, сделанные самим Матвеем Михайловым. Однако трудно решить — какую работу проделал Матвей Михайлов: составил ли он только данные приписки к летописи, которые потом были внесены в текст переписчиком, или он был и летописцем, а если это так, то какая часть летописи ему принадлежит и т. д. Исследуя этот вопрос, А. А. Шахматов обратил внимание на то обстоятельство, что вторая из этих приписок повторена под 1382 г. два раза: сперва — в начале года, перед повестью о пленении и о приходе Тохтамыша царя и о Московском взятии, а затем — в конце года, за этой повестью. Как устанавливает А. А. Шахматов, вставка повести была сделана не составителем Новгородской четвертой летописи, а раньше — в ее главном источнике. Ясно, что запись о смерти отца Матвея Михайлова была уже в источнике Новгородской четвертой, так как дублировки этого рода получают именно в результате вставок нового материала. Переписывая свой источник, летописец произвел вставку, а затем продолжил копирование, но случайно частично повторил уже переписанный текст. Это соображение А. А. Шахматова убедительно, но вот дальнейшее его предположение, что Матвей Михайлов был составителем свода 1448 г.⁷, малоубедительно. Еще менее убедительно произвольное отождествление им Матвея Михайлова с Матвеем Кусовым — уставщиком новгородского владычного двора, имя которого дошло до нас в нескольких записях на рукописях, восходящих к первой четверти XV в.

Найти автора того или иного произведения помогает совпадение в точности излагаемых фактов с данными биографии того или иного лица. Так, на-

¹ Д. С. Лихачев. Повести о Николе Заразском. С. 302.

² «Родися Матфей Михайлов» (Новгородская четверть летопись, вып. I. — ПСРЛ, т. IV, ч. I. Пг., 1915. С. 300).

³ «Преставися Михайло, отец Матфеев» (Там же, вып. 2. Л., 1925. С. 326).

⁴ «Преставися Федосиа Матфеева месяца маиа 18» (Там же. С. 397).

⁵ «Брак бысть Матфею Михайлову маия в 23» (Там же. С. 399).

⁶ «Родися Матфею сын Кюприян» (Там же. С. 411).

⁷ А. А. Шахматов. Обзорение русских летописных сводов XIV–XVI вв. С. 155–156.

пример, в тексте «Повести временных лет» начиная с 1061 г. появляются точные датировки текущих событий. Летописец не только указывает год того или иного исторического факта, но кроме того — месяц и день. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что записи с точными датировками отмечают первоначально события в Киеве (1061–1063 гг.), затем подробно же соображают о событиях в далекой Тмуторокани (1064–1066 гг.), оттуда снова переносятся на Русь (под 1067 г. отмечены события в Полоцке) и в 1068 г. уже определенно ведутся в Киеве. Такого рода переход точных летописных записей из Киева в Тмуторокань, а затем снова в Киев должен быть с несомненностью связан с единственными в своем роде событиями, происшедшими в важнейшем летописном центре XI в. — Киево-Печерском монастыре. Из «Жития Феодосия», составленного в конце XI в., мы узнаем, что монах Киево-Печерского монастыря Никон, по прозвищу «Великий» (прозвище это тоже в своем роде замечательно), в начале февраля того самого 1063 г., на котором обрываются точные датировки киевских событий и начинаются точные датировки событий в Тмуторокани, бежал из Киева в Тмуторокань от гнева киевского князя Изяслава. В Тмуторокани Никон принимал активное участие в политической жизни и пробыл на Черноморском побережье до февраля 1066 г. Никон, следовательно, пробыл в Тмуторокани как раз те годы, в течение которых летопись точно датирует события в Тмуторокани и не знает точных дат для событий, происходивших на Руси. Затем по поручению жителей Тмуторокани Никон отправился в Чернигов к князю Святославу, чтобы просить у него его сына Глеба на тмутороканское княжение. Святослава Никон не застал и дожидался его возвращения из похода на Всеслава Полоцкого (ср. точную датировку полоцких событий под 1067 г.), а затем, в 1068 г., водворился в Киеве.

Конечно, это только одно из соображений, заставивших виднейшего исследователя русского летописания А. А. Шахматова приписать участие в летописании этих лет Никону Великому. Других соображений А. А. Шахматова (идейных, стилистических и пр.) мы сейчас не касаемся.

Гипотеза А. А. Шахматова об участии Никона в киевском летописании была расширена еще одной гипотезой относительно того, кто такой этот Никон. Это гипотеза М. Д. Приселкова. Она не столь убедительна, как гипотеза А. А. Шахматова, но общность некоторых приемов заставляет нас вспомнить и о ней. Гипотеза М. Д. Приселкова предполагает в Никоне первого киевского митрополита из русских — Илариона, автора знаменитого «Слова о законе и благодати». Помимо идейной близости двух этих деятелей русского просвещения, М. Д. Приселков обратил внимание на то обстоятельство, что сведения об Иларионе, с именем которого была связана одна из пещер Киево-Печерского монастыря, где он жил, обрываются как раз на том годе, на котором появляются сведения о жизни в этой пещере Илариона-Никона. М. Д. Приселков предполагает, что смещенный с митрополичьей кафедры Иларион принужден был скрыться в монастыре. Он принял схиму как раз в день памяти Никона, чьим именем по обычаю того времени он и назвался (в Киевской Руси при принятии монашества или в дальнейшем схи-

мы было в обычае принимать новое имя не на ту же начальную букву, как это практиковалось впоследствии, а имя того святого, чья память праздновалась в день монашеского пострига или в день принятия схимы). Вот почему впоследствии пребывание Илариона-Никона в Киево-Печерском монастыре вызывало постоянное неудовольствие киевского митрополита-грека и князя¹. Но здесь мы уже уклоняемся от вопросов текстологии в область чистой истории и биографии Илариона-Никона. Такое уклонение, кстати, характерно: оно лишний раз напоминает нам о том, что область текстологии связана со многими науками и многими сторонами жизни.

Иногда указания на принадлежность тому же автору других сочинений имеются в самих сочинениях. Так, например, ростовский агиограф XIV в., написавший Повесть о Петре царевиче Ордынском, оставил в своей повести указание на то, что ему же принадлежит Житие епископа Игнатия. В других случаях авторы заявляют о своем намерении в другом месте написать о том или ином событии или лице. Такое указание имеется, например, в Житии Сергия Радонежского (автор обещает рассказать об одном из учеников Сергия особо). Автор Волоколамского патерика Досифей Топорков ссылается на свое надгробное слово Иосифу Волоколамскому. Важно отметить, что эти непритязательные указания на авторство бывают в целом более достоверны, чем официальные приписывания произведения в заголовках. Чем менее официально свидетельство об авторе, тем оно достовернее. Это не парадокс: в правильности этого положения исследователь древней русской литературы убеждается на каждом шагу.

Как это ни странно, но одно из самых достоверных свидетельств о принадлежности сочинения тому или иному автору извлекается из тайнописных записей. Мне не известно ни одного случая, когда бы указания тайнописи оказались неправильными. Объясняется это, как мне кажется, тем обстоятельством, что тайнописные записи делались о себе, но не о другом. Тайнописью запечатлевали свои имена по преимуществу сами авторы (поэтому-то в тайнописи встречаются указания на русских авторов, но нет указаний на переводных авторов и очень редко — переписчиков). Делалось это из авторской скромности. Очевидно, две тенденции боролись в составителях тайнописных записей: желание запечатлеть свое имя как автора и, одновременно, сознание нескромности этого желания. Именно этой борьбой и вызывалось, очевидно, это типично древнерусское явление — тайнописные записи о своем авторстве русских писателей. Как бы то ни было, психологическая борьба

¹ Подробнее аргументацию по этому вопросу см. в книге М. Д. Приселкова «Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X–XII вв.» (СПб., 1913. С. 181–184) и в его же книге «Нестор-летописец» (Пг, 1923. С. 22).

ба характерна по преимуществу для самих авторов, и поэтому мы придаем особое значение этим записям.

Приведу примеры тайнописных оповещений о себе авторов древнерусских произведений. В приписке к «Житию Александра Невского» в редакции Ионы Думина сказано: «Справлено же бысть чудное житие се благовернаго великаго князя Александра Невскаго чудотворца в лето 7099-го марта в 9 на память святых великих страстотерпец 40 мученик, иже в Севастий. В сие же бысть лето луна 12, круг солнцу 15, индиктион 4, в руце лето 4, основание 15, епакта 6, граничное слово мыслете, в осмое лето христоименитаго царства в победах предивнаго, достохвалнаго государя, царя, великаго князя Федора Ивановича Киевскаго и Владимирскаго и Московскаго и всея Руси самодержца, в достоприятное святительство великаго пресвятейшаго патриарха Иова Московскаго и всея Руси, его же благословением и руковозложением и теплою верою к святому и духовным проразсуждением рукою многогрешнаго, паче всех худейшаго, по слогу убо Заавиазара имянем, по числу же в четырех писменех книжных, от них же по имянованию гласовных двое, согласных едино, дwoегласных едино, всех же число 131, и с дwoегласным, яже кроме числа; по обещанию же съгласных троегласно, гласовных два, согласно едино, кратких едино, всех же 502, по действию же согласно единовидное, полугласно единословное, кратких единоголасное, согласно едино и паки кратких едино и еще долгообразное с согласным и кратким по единому, и паки согласно едино и гласно едино же, всех 474, кроме полугласнаго. О сих же ведущии убо паче нас да и нас, не наученых, научат, неведующий же, якоже и аз, со мною убо купно у премудрейших да совопросим»¹.

Итак, житие было сложено 9 марта 1591 г. в восьмой год царствования Федора Иоанновича. Запись же об авторстве расшифровывается В. Мансикой следующим образом: «Первая из них "по слогу" Заавиазара остается неразгаданной, а вторая "по числу", т. е. по буквам, обозначающим числа, представляет слова: Иона Думинъ архіепископъ² — $i = 10 + o = 70 + n = 50 + a = 1$ (в сумме 131); $d = 4 + y = 400 + m = 40 + и = 8 + n = 50$ (в сумме 502)». По мнению А. А. Шахматова, «Заавиазар» в переводе на цифры составляет то же число, что и «Иона», т. е. 131³. Расшифровка же числа 474 как «архиепископ» спорна⁴.

В известном «Лаодикийском послании» имя его автора зашифровано следующим образом: «Аще кто хочет уведати имя преведшаго Лаодикийское послание: дващи четыре с единым, и дващи два со единым, семьдесят по десяти и десятиа по десяти, царь, дващи два, и шестиа по десяти с единою

¹ В. Мансика. Житие Александра Невского. Разбор редакций и текст. С. 124 (приложение).

² Там же. С. 199.

³ Там же. С. 124 (приложение).

⁴ См.: Записки Имп. Археологического общества. III. СПб., 1851. С. 148; IV, 1852. С. 142.

десятью, десятиа по пяти и пятию по десяти, ер скончеваает. В сем же имени слов седмерица, царь и три плоти и три души.

От роду же прозывается: десять и дващи по пяти, тридцатия по десяти и дващи по пятидесять, девятиа по десяти и дващи по пяти, и дващи три з двема, осмьдесятя по десяти и девятиа по девяти и дващи с единым, три дващи с двема, четыреши по пяти и пятиа по четыре с единою десятию, съвршьаает ером; четыре столпы, и четыре приклады.

От действия же: трищи с единым, и дващи четыре, и един, трищи пять и дващи два с единым, навршьаает ером. Две плоти, и две души, и самодръжец, в ино время и оживление творит»¹.

Расшифровка этой записи следующая. Имя: $(2 \times 4) + 1 = 9 = \Theta$; $(2 \times 2) + 1 = 5 = e$; $(70 \times 10) + (10 \times 10) = 800 = \omega$; $2 \times 2 = 4 = д$; $(6 \times 10) + 10 = 70 = o$; $(10 \times 5) + (5 \times 10) = 100 = p$.

От роду: $10 + (2 \times 5) = 20 = к$; $(30 \times 10) + (2 \times 50) = 400 = y$; $(9 \times 10) + (2 \times 5) = 100 = p$; $(2 \times 3) + 2 = 8 = и$; $(80 \times 10) + (9 \times 9) + (2 \times 9) + 1 = 900 = ц$; $(3 \times 2) + 2 = 8 = и$; $(4 \times 5) + (5 \times 4) + 10 = 50 = н$. От действия: $3 + 1 = 4 = д$; $2 \times 4 = 8 = и$; $1 = а$; $(3 \times 5) + (2 \times 2) + 1 = 20 = к$.

В целом запись гласит: «Θεωдоръ Курицинъ диакъ». Федор Курицын — еретик и ученый. Установление поэтому принадлежности ему такого своеобразного сочинения, как «Лаодикийское послание», представляет очень большой интерес².

Своеобразный вид тайнописи представляют собой акростихи, т. е. стихи, в которых начальные буквы строк составляют какое-либо слово или фразу. Акростихи были известны еще греческим авторам служб святым и канонам. В этих акростихах они оставляли признаки своего авторства. Но особенно распространились на Руси акростихи в XVII и XVIII вв. с развитием стихотворства, с одной стороны, и барочною модою на всякого рода замысловатые и фигурные стихи — с другой.

Особенно интересен случай, обнаруженный А. В. Позднеевым, со стихотворцем Германом. Здесь в акростихи оказалось записанным не только имя стихотворца, но и некоторые данные его биографии³.

В своих акростихах Герман называет себя чернецом, монахом, иеромонахом, уставщиком и типикарем (т. е. регентом хора), строителем (т. е. заведующим хозяйством монастыря) — соответственно постепенному повышению им своего положения. В стихе же «Память предложити смерти» Герман

¹ Н. А. Казакова, Я. С. Лурье. Антифеодальные еретические движения на Руси XIV — начала XVI века. М.; Л., 1955. С. 270.

² Обзор различных систем тайнописи и способов их расшифровки не входит в нашу задачу. О тайнописи см.: П. А. Лавровский. Старорусское тайнописание. — Древности. Труды Московского археологического общества, т. 3. М., 1873; М. Н. Сперанский. Тайнопись в юго-славянских и русских памятниках письма. — Энциклопедия славянской филологии, вып. 4/3. Л., 1929.

³ А. В. Позднеев. Рукописные песенники XVII–XVIII веков. (Из истории песенной силлабической поэзии). — Учен зап. Моск. гос. заочного пед. ин-та, 1958, т. 1. С. 15–18.

во втором акростихе сообщает о себе и такое сведение: «Маия месяца болезнен».

Как бы ни была убедительна атрибуция произведения по тайнописи, она не снимает необходимости опереться на историю текста, ибо объем произведения, вид его и пр. все равно требуют своего установления — без чего невозможна атрибуция. Только тогда, когда мы переходим к произведениям нового времени с их стабильным текстом, возможна «чистая атрибуция». К таким произведениям со стабильным текстом относятся стихотворения. Вот почему атрибуция по акростихам не типична для текстологии древней русской литературы.

Определению авторства помогает установление соответствий — идеологических, стилистических, языковых — между уже известными произведениями автора и исследуемым.

В данных случаях, как и во многих других, надо переходить от известного к неизвестному. Изучив идеологию автора, его взгляды по частным и общим вопросам, его стиль и пр. в подлинных сочинениях, филолог переходит затем к произведениям, в отношении которых имеются сомнения, и изучает соответствия последних первым.

Правда, не очень следует увлекаться этими соответствиями. Их следует применять с осторожностью и «с рассмотрением».

Известны случаи, когда именно соответствия являются противопоказаниями для приписывания того или иного сочинения определенному автору. Известно, например, что диалоги «Минос» и «Гиппарх», приписываемые Платону, имеют многочисленные совпадения с достоверными сочинениями Платона. Иногда эти диалоги производят впечатление компиляций из других сочинений Платона. Но именно это говорит против принадлежности их Платону. Характер творчества Платона, никогда не повторявшего самого себя, не позволяет приписать их ему. Еще меньше следует увлекаться механическим приведением соответствий в произведениях древнерусской литературы. Древнерусские авторы как раз любили повторять самих себя, но они же не стеснялись безо всяких ограничений пользоваться материалами других авторов. Следовательно, поиски соответствий в целях атрибуции должны быть ограничены. Они не должны вестись механически. И в этом вопросе, как и во всех других вопросах текстологии, нужно следовать не правилам, а многообразию жизни, видеть за явлениями текста меняющуюся действительность, живое, конкретное творчество.

Атрибуция по основаниям идеологических соответствий никогда не бывает особенно прочной. Не говоря уже о том, что может быть довольно много авторов, разделяющих одинаковые убеждения (особенно убеждения со-

словные и классовые), самое единство идеологии нескольких сходных или различных по темам произведений доказать бывает довольно трудно. Для этого необходимо глубокое изучение идеологий данной эпохи и во всех их тонких различиях. Тождество идеологий может быть установлено только при наличии глубоко разработанной истории идеологий.

Так, например, А. А. Шахматов на основании идеологического анализа приписал Хронограф 1512 г. авторству псковского старца Филофея. Н. Н. Масленникова на основании подробного анализа идеологической борьбы в псковской литературе конца XV — начала XVI в. обоснованно отвергает эту атрибуцию. Н. Н. Масленникова указывает на существенные различия в воззрениях между автором Хронографа 1512 г. и старцем Филофеем.

Так, например, автор Хронографа 1512 г. считает, что Константинополь пал от завоевания турок, но что он остается центром православия. «Филофей же, — пишет Н. Н. Масленникова, — считает причиной падения Константинополя, как центра православия, более страшное событие, чем завоевание турками, — соединение “с латынею на осмом соборе”¹. Филофей не мог говорить о сохранении “неврежени” патриаршего престола и о том, что престол остается главою православной веры. Во-вторых, автор повести говорит, что так как престолы остались невредимы, то “православнии же от сего надежу имеют, яко по доволнем наказании нашего согрешения паки всесильный господь погребеную, яко в пепеле, искру благочестия в тме злочестивых властей вождет зело и попалит измаилтян злочестивых царства, якоже терние, и просветит свет благочестия и паки возставит благочестие и царя православныя”². У автора есть надежда, что Константинополь — Новый Рим возродится и царь константинопольский будет царем православным. У Филофея же на такое возрождение надежд нет. Второй Рим пал окончательно, “греческое царство разорися и не созижеться”³. На смену ему приходит новый, третий Рим. Автор Хронографа считает, что православие восстановится, хотя, по его мнению, только русское царство и сохранило верность православию — “наша же Росиская земля божией милостию и молитвами пречистыя богородица и всех святых чудотворецъ растет и младеет и возвышается”⁴. Можно думать, что автор надеется на возрождение византийского православия через русское царство. Но это не так. Для возрождения православия нужно победить турок, а русским это нужно не было. Восстановление православия у автора Хронографа произойдет в будущем, а Филофей уже в это время считал русского царя главой всех православных. У автора нет еще представления о Москве как о третьем Риме, но есть представление о единстве Русской земли, о ее величии, могуществе и вера в ве-

¹ В. Малинин. Старец Елизавета монастыря Филофей и его послания. Киев, 1901. Приложения. С. 61 (Примечания в цитате Н. Н. Масленниковой).

² ПСРЛ, т. XXII, ч. 1. СПб., 1911. С. 439.

³ В. Малинин. Старец Елеазарова монастыря... С. 41.

⁴ ПСРЛ, т. XXII, ч. 1. С. 439–440.

ликое будущее Русской земли: "ей же, Христе милостивый, дажь расти и младети и расширяться и до скончания века"¹ »².

Итак, между автором Хронографа 1512 г. и Филофеем наблюдаются значительные идейные расхождения. Ясно, что говорить о принадлежности Хронографа 1512 г. Филофею только на основании идеологического сходства не приходится. Это тем более сомнительно, что, как показывает Н. Н. Масленникова в той же уже цитированной нами работе, в Пскове были и другие близкие к Филофею, но тем не менее не тождественные с ним в идеологическом отношении писатели. В частности, Н. Н. Масленникова указывает на хронографическую Толковую Палею с ее яркой общерусской идеологической окраской³.

Ошибка А. А. Шахматова в атрибуции Хронографа 1512 г. по идеологическим признакам заключалась в том, что взгляды Филофея и автора Хронографа 1512 г. он проанализировал недостаточно глубоко, не установил различий наряду со сходством и не принял во внимание всей идеологической борьбы в Пскове, всех развивавшихся в Пскове этого времени идеологических течений.

В отношении атрибуции произведений древнерусской литературы на основе анализа идейного содержания можно сказать то же, что и в отношении произведений новой русской литературы: «Задачу атрибуции на основе идейного анализа нельзя ограничивать только установлением факта совпадения каких-либо идей и мыслей. Любой жанр литературных произведений представляет собой комплекс взаимообусловленных мыслей, положений, оценок, выражающих в совокупности какую-либо основную идею. Взаимообусловленность тем и идей литературно-критической статьи не позволяет рассматривать каждую ее мысль оторванно, без учета ее связи с другими мыслями и ее места во всем идейном комплексе. Одна или даже несколько мыслей, выхваченных из общей системы мировоззрения неизвестного автора, несмотря на сходство с мыслями какого-либо известного писателя, далеко не всегда могут дать основания для положительных решений. Наличие одинаковых мыслей, одних и тех же идей, не говоря уже о сходстве частных суждений и оценок у разных авторов, — явление вполне закономерное и часто встречающееся. Поэтому сопоставлению идей анонимного и известных произведений предполагаемого автора должен предшествовать глубокий объективный анализ их ведущих, определяющих тенденций, который будет служить основой для дальнейших сравнений. Порой даже весьма близкое, а иногда и текстуальное сходство отдельных мыслей не может свидетельствовать о принадлежности их одному и тому же автору, так как при более вни-

¹ ПСРЛ, т. XXII, ч. 1. С. 440.

² Н. Н. Масленникова. Идеологическая борьба в псковской литературе в период образования Русского централизованного государства. — ТОДРЛ, т. VIII. М.; Л., 1951. С. 200–202.

³ Там же. С. 202.

мательном рассмотрении этих мыслей и идей в сопоставлении с ведущей тенденцией содержащих их произведений может выявиться глубокая принципиальная разница в их конкретном понимании и использовании»¹.

Для древнерусской литературы, где индивидуальность автора выражена слабее, чем в литературе нового времени, особенно важным представляется изучение идеологии автора в тесной связи с историей общественной мысли в целом. Идеология автора непременно требует, чтобы она была проанализирована на фоне всей идеологической жизни своего времени, чтобы были выяснены все существовавшие близкие течения со всеми их оттенками. Тождество устанавливается только на основе исключения всех прочих возможных близких авторов с принятием во внимание всех оттенков идеологии. Индивидуальные оттенки идеологии, различные мелкие детали в вопросе атрибуции иногда даже важнее, чем основные признаки идеологии. На это, казалось бы, парадоксальное явление следует обратить особое внимание.

В какой мере при определении автора произведения могут быть приняты во внимание индивидуальные особенности стиля? И в этой области вопрос гораздо более сложен, чем в литературе нового времени.

По поводу атрибуции текстов нового времени по стилистическим основаниям В. В. Виноградов пишет: «Самое основное, сложное и трудное в этом методе атрибуции — исторически оправданное, стилистически направленное и филологически целесообразное применение принципа избирательности характеристических речевых примет индивидуального стиля»². И далее: «Метод узнавания автора текста по характеристическим приметам его стиля требует точного отграничения индивидуально-типических примет от того, что имеет более широкое употребление в литературном обиходе того времени»³.

Даже в новой литературе стилистический анализ не всегда дает безусловные выводы об авторе произведения. Б. В. Томашевский писал: «...доказать путем стилистических сопоставлений принадлежность произведения определенному автору гораздо труднее, чем эту принадлежность опровергнуть. Элементы сходства можно найти между любыми произведениями, особенно если они принадлежат одной эпохе или если какое-нибудь подделывалось под другое. На этих незначительных сходствах и строятся обычно заяв-

¹ Э. Л. Ефременко. Раскрытие авторства на основе анализа идейного содержания произведения. — В кн.: Вопросы текстологии, вып. 2. М., 1960. С. 64.

² В. В. Виноградов. Лингвистические основы научной критики текста. — *Вопр. языкознания*, 1958, № 2. С. 21.

³ Там же. С. 24.

ления о принадлежности, в то время как аргументация противоположного исходит из общего анализа произведения, что всегда производит впечатление бóльшей убедительности»¹.

Стилистический анализ должен сочетаться с аргументацией других типов. Атрибуции по стилю, которые делает В. В. Виноградов, на самом деле отнюдь не исчерпываются наблюдениями стилистического порядка. Стилистический анализ поставляет только главную аргументацию. Исследование «Об авторстве двух статей "Литературной газеты" 1830–1831 гг. на украинские темы (Сомов, Пушкин или Гоголь)»² В. В. Виноградов начинает с замечаний о составе и содержании «Литературной газеты» за указанные годы, с напоминания некоторых биографических данных, касающихся Пушкина и Гоголя, и с некоторых вопросов истории «Литературной газеты». Только «расчистив площадку», В. В. Виноградов приступает к анализу собственно стилистическому. То же самое можно сказать и об атрибуции Достоевскому рассказа «Попрошайка»: В. В. Виноградов касается в этой атрибуции и некоторых вопросов психологии творчества Достоевского, и его творческого метода³.

Кроме того, необходимо иметь в виду, что в пределах до XVII в. индивидуальные особенности стиля сказываются значительно слабее, чем в литературе нового времени. Происходит это не только потому, что тексты в древнерусской литературе очень подвижны и «чистый авторский текст» доступен исследователю древней русской литературы только в редких случаях, но и потому еще, что авторское начало вообще слабее сказывается в древней литературе, чем в новой. В древней русской литературе сильнее дают себя знать воля заказчика произведения, требования жанра и в особенности требования литературного этикета. Так, например, произведения одного и того же автора, но написанные в разных жанрах, могут отстоять друг от друга по особенностям стиля гораздо дальше, чем произведения разных авторов, но написанные в одном жанре.

Отмечая различие в атрибуции произведений древней литературы и новой по лингвистическим признакам, В. В. Виноградов пишет: «...в древнерусской литературе, по крайней мере до XVII в., проблема индивидуального стиля, его отношений к литературному языку, к его типам или разновидностям не играет той роли, как в русской литературе XVIII и особенно XIX и XX вв. Кроме того, пропуски, изменения или дополнения в тексте древнерусского произведения, характеризовавшие его литературную историю, даже после

¹ Б. В. Томашевский. Писатель и книга. Очерк текстологии. С. 195.

² Annali dell'Istituto universitario orientale. Sezione slava. Napoli, 1960.

³ V. V. Vinogradov. Попрошайка — un récit inconnu de Dostoevskij. — Revue des études slaves, 1960, t. XXXVII, f. 1–4. Ср.: В. В. Виноградов. Проблема авторства и теория стилей. М., 1961. С. 573 и сл. — Об опасности опираться только на данные языка (стиля) при атрибуции пишет и К. Я. Гурский (K. Górski. Sztuka edytorska. Zagys teorii. Warszawa, 1956. S. 151).

распространения книгопечатания, по большей части не сближались и не отождествлялись с фальсификациями или подделками в собственном смысле этого слова. Между тем в новой литературе частичное искажение текста иногда переключается в фальсификацию целого, в литературную мистификацию¹. Вопрос о правильности литературного текста здесь органически сплетается с проблемой типических своеобразий индивидуального стиля писателя².

Особое значение в стирании индивидуальных особенностей стиля имеют в древнерусской литературе этикетные формулы, повторяющиеся из произведения в произведение в зависимости от того, о чем пишет автор. Так, например, летописец меняет манеру своего изложения в связи с тем — говорит ли он о князе или о епископе, рассказывает ли он о битве или о жизни святого, дает ли он посмертную характеристику князю или составляет обычную годовую статью с краткими записями об основных событиях года. В некоторых случаях он пишет на церковнославянском языке, в других прибегает к языку русской деловой прозы и т. д. В меньшей мере, но те же колебания в манере изложения встречаем мы у агиографа и проповедника, паломника и составителя исторической повести³.

Тем не менее индивидуальные особенности стиля могут быть выделены не только у автора, но и у редактора произведения. Правда, выделяя эти индивидуальные особенности, необходимо быть чрезвычайно осторожным. Так, например, М. Д. Приселков на основании материалов А. А. Шахматова весьма удачно, как мне представляется, определил характер стилистической обработки предшествующего летописного материала у сводчика 1212 г. «Сводчик 1212 г., несомненно, принадлежал к числу реформаторов языка летописания, — пишет М. Д. Приселков. — Он ставил своею целью дать читателю, вместо древнего и уже невразумительного своею лексикою и фразеологиею текста, текст современный и удобопонятный. Его подновления для нас любопытны, потому что своею ошибочностью показывают нам, что подновляемые слова давно уже ушли из современного сводчику 1212 г. литературного и разговорного языка. Так, например, слово «корста» (гроб) он заменил в одном случае словом «рака» (под 1015 г.), так как для него из контекста было ясно, что разумелось вместилище для трупа, а в другом случае (под 1093 г.) — словом «крест», так как рассказ не давал ему возможности точно понять из изложения смысл этого слова. Так, сводчику 1212 г. было непонятно слово «товар» в значении — обоз, лагерь, и в рассказе о том, что князь послал глашатаев «по товаром», он заменил слово «по товаром» словом «по товарыщи», что для данного места в общем не исказило смысла

¹ См.: Е. Ланн. Литературная мистификация. М.; Л., 1930. (Примечание В. В. Виноградова).

² В. В. Виноградов. Лингвистические основы научной критики текста. С. 5.

³ См. подробнее: Д. С. Лихачев. Поэтика древнерусской литературы. Изд. 3-е, доп. М., 1979. С. 80–102.

повествования. Но его подновления для нас любопытны и в тех случаях, когда сводчик 1212 г. знает еще значение старого слова. Заменяя современным словом такое устаревшее, но еще понятное слово, он дает нам историю слов. Так, слово "ложница" (в 1175 г.) он заменяет словом "постельница"; "прабошни черевы" — "боты" (1074 г.); "протоптаныи" — "утлыи" (1074 г.); "набдя" — "кормя" (1093 г.); "доспел" — "готов" (992 г.); "уста" — "преста" (1026 г.); "детеск" — "мал"; "детишь" — "отроча"; "исполнить" — "исправить"; "крьнеть" — "купить"; "ключится" — "прилучится"; "полк" — "вои"; "комони" — "кони"; "ратиться" — "сразиться"; "развращен" — "розно"; "ядь" — "снедь"; "уверни" — "възвороти"; "похоронить" — "погрести"; "двое чади" — "двое детей" и др.¹

Однако тот же М. Д. Приселков принял за индивидуальную манеру составителя семейной хроники Ростиславичей — игумена Моисея то, что по существу являлось только трафаретом литературного этикета в применении к умершему князю. М. Д. Приселков пишет: «Проглядывая текст киевского свода 1200 г., мы невольно останавливаемся на частом применении к случаям упоминаний смерти того или иного князя приписки элегического тона, как например: "и приложися к отцам, отда обьщий долг, его же весть убежати всякому роженому" (1172 г.) или "и приложися к отцемь своим и дедом своим, отдав обьщий долг, его же несть убежати всякому роженому" (1179). Такие же приписки идут и дальше: под 1180 и под 1198 гг. Поскольку все эти приписки связаны с упоминанием смертей братьев Рюрика (под 1172 г. — Святослава; под 1179 г. — Мстислава; под 1180 г. — Романа; под 1198 г. — Давыда), т. е. относятся к семейной хронике Ростиславичей, они могут свидетельствовать только о том едином авторе, который писал эту хронику и которого мы определили как составителя всей летописной сводной работы 1200 г., т. е. Моисея»².

Все построение М. Д. Приселкова рушится, как только мы убедимся в том, что те же выражения применены в Ипатьевской летописи и после 1200 г. — например, под 1289 г. в некрологической статье о Владимире Васильковиче Волынском. Литературный трафарет был принят М. Д. Приселковым за черту индивидуального стиля!

Специфические трудности атрибуции древнерусских литературных произведений по их стилю и вместе с тем вся важность стилистического анализа для их атрибуции могут быть продемонстрированы на примере с сочинениями Ивана Грозного. С именем Ивана Грозного дошло до нас довольно много различных произведений — литературных и деловых (речи, молитвы, послания, грамоты и т. д.), но какие из них написаны самим царем, а какие написаны его подчиненными от его имени? Какие из них дошли до нас полно-

¹ М. Д. Приселков. История русского летописания XI—XV вв. Л., 1940. С. 86. Ср. также: А. А. Шахматов. Обзорение русских летописных сводов XIV—XVI вв., глава «Радзивилловская или Кенигсбергская летопись». С. 44—68.

² М. Д. Приселков. История русского летописания XI—XV вв. С. 48.

стью, а такие только в изложении? Вот перед нами богомольная грамота в Троицкий монастырь, написанная в 1562 г. по случаю войны с Крымом и Польшею. Царь просит в ней молиться о его «великих беззакониях» ввиду наступления врагов. Или вот другое его письмо, 1563 г., — к шведскому королю Эрику. Принадлежат ли они действительно Грозному, или Грозный только «велел их отписать»?

Решающим в этом вопросе может явиться только анализ стиля. Послания Ивана Грозного, написанные лично им, резко нарушают условные правила дипломатической переписки, они содержат вызывающие насмешки, иронические и колкие замечания и т. д. Эти специфические особенности стиля произведений Грозного отмечал уже Карамзин: «В слоге его есть живость, в диалектике — сила»¹.

Вот что пишет Я. С. Лурье о стилистических признаках авторства Грозного: «Главный критерий для установления авторства Ивана IV по отношению к произведениям, подписанным его именем (и даже по отношению к произведениям, написанным от имени других лиц), — совершенно своеобразный литературный стиль этих произведений. Уже писатели начала XVI в. ввели в русскую литературу примеры острой публицистической полемики; в творчестве Ивана Грозного эти приемы достигли особого развития. Живой спор с противником, обильные риторические вопросы по его адресу, издевательское пародирование аргументов оппонента (“кто же убо желает такова ефиопьска лица видети?” — в послании Курбскому) и вместе с тем нередкие обращения к его рассудку (“ты бы сам по себе порассудил”) — эти особенности проходят через все изданные нами послания Ивана IV; характерны они и для многих посланий, которые до сих издавались лишь как дипломатические документы². Устные основы писательской манеры царя сказываются в большом количестве простонародных, “грубых” выражений (“ты, взяв собачей рот, хочеш на посмех лаяти” — в послании Иоганну III), в своеобразном синтаксисе, при котором одно предложение вклинивается внутрь другого, образуя как бы замечание в скобках (“и ты там сам спрося уведай!”, “и нам того как утаити!”)³. И, что особенно важно, перечисленные особенности обнаруживаются в посланиях Ивана IV начиная с 50-х годов (ср. послание Сигизмунду-Августу февраля 1558 г.) и кончая последними годами его жизни (послание Баторию 1581 г. и др.). А между тем мы не мог-

¹ Н. М. Карамзин. История государства Российского, т. X. Изд. Эйнерлинга. Б. м. и б. г. С. 149.

² Послания Ивана Грозного. Подгот. текста Д. С. Лихачева и Я. С. Лурье. Перевод и комментарии Я. С. Лурье. Под ред. чл.-корр. АН СССР В. П. Адриановой-Перетц. М.; Л., 1951 («Литературные памятники»). С. 27, 57, 156, 215, 219, 224, 225 и др. Ср. дипломатические послания: Сборник Русского исторического общества, т. 59. СПб., 1887. С. 539; т. 71. СПб., 1892. С. 55–63, 170–173, 354–362, 442–446, 673; т. 129. СПб., 1910. С. 216–218, 259–264 и др. (Примечание в цитате Я. С. Лурье).

³ Послания Ивана Грозного. С. 152, 160, 193, ср. с. 276.

ли бы назвать ни одного близкого к Грозному человека, который сохранил бы милость царя в течение всего это срока. Адашев умер в опале в 1561 г.; Висковатый был казнен в 1570 г. Сподвижники Грозного в последние годы его жизни, Бельский, Годунов, — люди по преимуществу “неписьменные”, деловые политики. Нет ни одного человека, чью образованность и специфический литературный стиль историк мог бы “выдать за образованность самого Ивана IV”¹.

Замечательно, однако, что и в этом, казалось бы ясном, случае стилистических соображений недостаточно: нужны еще доказательства, что этими стилистическими особенностями не владел никто, ~~кроме~~ самого Грозного.

В самом деле, если мы захотим точнее определить особенности стиля Грозного, мы встретимся с затруднениями: индивидуальные особенности стиля Грозного пробиваются сквозь условности литературных произведений Древней Руси, меняющиеся от темы к теме. Эту же неустойчивость стиля Грозного отмечал и один из наиболее тонких ценителей — А. С. Орлов. Говоря о первом послании Грозного Курбскому, А. С. Орлов замечает: «Письмо Ивана Васильевича разнохарактерно по стилю: то оно важно и скорбно, то иронично и раздражительно до мелочей; сообразно с этим менялся и язык, проходя всю гамму — от парадной славянщины до московского просторечия»². В сноске к этому месту своего курса А. С. Орлов обращает внимание, что «Курбский отметил эту смену тонов в ответе на второе послание царя: “...ово преизлишне уничижаешься, ово преизобильне и паче меры возносишися”»³.

Отсюда ясно, что исследование индивидуального стиля древнерусских авторов трудно не только вследствие неустойчивости текста, его постоянных переделок и изменений переписчиками-редакторами, но и в силу переменчивости этого стиля в зависимости от смены тематики.

Особое значение для атрибуции того или иного произведения имеет терминология, отдельные характерные выражения. Отрицая широко распространенную в XIX и начале XX в. в научной литературе атрибуцию «Беседы Сергия и Германа, валаамских чудотворцев» Вассиану Патрикееву, Н. К. Гудзий обратил особое внимание на терминологию и отдельные выражения. Он пишет: «В “Беседе” и в произведениях Вассиана речь часто идет об одних и тех же понятиях, но слова и отдельные выражения, которыми обозначаются эти понятия, в обоих случаях не сходны. Приведем примеры. Слова *лихва*, *лихвы* употребляются Вассианом 14 раз, *нищий*, *нищета* — 24 раза, *убогий*, *убожество* — 19 раз, *стяжание*, *нестяжание*, *безстяжание*, *многостяжательный*, *пристяжавати*, *притяжет* — 15 раз, *лихоимание*, *лихоимство*, *лихоимци*, *лихоимствовати*, *лихоимственне* — 13 раз, *безстудне*, *безстудство*, *безстуден*, *стужаетеси* — 6 раз, *хищение*, *хищницы* —

¹ Я. С. Лурье. Был ли Иван IV писателем? — ТОДРЛ, т. XV. М.; Л., 1958. С. 506.

² А. С. Орлов. Древняя русская литература XI–XVI вв. Изд. 2-е. М.; Л., 1939. С. 284–285.

⁴ Там же. С. 285.

5 раз, *непщевати, непщеваху, непщевание, непщующе, непщуют* — 5 раз; *сребролюбие* — 4 раза, *досажение, досаждают, досадитель* — 4 раза. В "Беседе" эти выражения не встречаются ни разу; нет в ней и таких слов, извлеченных из произведений Вассиана, как *удовленно, преступарь, лѣтъ* (2 раза), *ошаятися, ухапатися, батогоносных, удица, зауцати, освѣняти, блевание, въкуплятися, бесчадно* (2 раза). С другой стороны, в "Беседе" отметим следующие особенности. О "простоте царей" в ней говорится 19 раз, об "иноческой гибели" — 11 раз, о пьянстве среди иноков — 6 раз, о том, что иноки употребляют лучшие яства по сравнению с мирянами, — 10 раз. У Вассиана об этом нет ни слова. Не находим у него и таких, характерных для "Беседы", выражений: *сесветное житие, сесветная слава* (9 раз), *мирская суета, суета мира сего* (10 раз), *бельцы* (6 раз), *трудники* (4 раза), *неподобными статьи* (6 раз), *ложное челобитье* (иноческое) (4 раза), *невейгласи* (2 раза), *мястися, вершники, молчажливый, торщити, порты, шлыки, улусы, поминки, нанос, собины*. Монастырские земли у Вассиана называются или *селами* (14 раз), или *имениями* (13 раз), изредка — *землями* (3 раза) и *деревьями* (1 раз). В "Беседе" им почти постоянно присваивается название *волостей* (21 раз) и только крайне редко *сел* (4 раза) и *вотчин* (2 раза)¹.

Надо, впрочем, сказать, что индивидуальные особенности стиля достовернее в тех случаях, когда они бессознательны, явились не преднамеренно, а в результате привычки. Древнерусский книжник не стесняется заимствовать стилистические обороты, образы, целые куски у своих предшественников. Он может усвоить чужую манеру изложения (в той же мере, в какой переписчик иногда усваивал почерк оригинала). Однако это усвоение большей частью является следствием его сознательных стремлений сделать свое произведение лучше, красивее, «ученее». Кроме того, стилистические приемы в очень большой мере зависят в древнерусской литературе от жанра произведения, от его «художественного задания», от требований «заказчика» и т. д. Вот почему нужно с большой осторожностью относиться ко всем особенностям стиля, которые могли явиться плодом сознательных усилий автора. А вот привычка к отдельным словам, оборотам, не имеющим особой художественной или идейной силы, — гораздо показательнее. И это чрезвычайно важно. По подсчету слов, по исчислению коэффициента употребляемости того или иного оборота речи в будущем можно будет математически обосновывать принадлежность того или иного произведения определенному автору². Но вопрос этот сложный и потребует в каждом отдельном

¹ Н. К. Гудзий. К вопросу об авторе Беседы преподобных Сергия и Германа, валаамских чудотворцев. — Рус. филолог. вестн., Варшава, 1913, № 3. С. 157–158.

² См.: В. Виноградов. Лингвистические основы научной критики текста (окончание). — Вопр. языкознания, 1958, № 3. С. 11–17; Б. М. Клосс. О статистических методах исследования текста исторических источников. — В кн.: Математические методы в исторической литературе и историко-литературных исследованиях. М., 1977. С. 326–334.

случае отделения намеренных элементов языка и стиля произведения от ненамеренных.

То, что было сказано о преимуществах подсознательных элементов стиля перед сознательными, приводит нас к выводу об исключительной роли исследования именно языка произведений. По наличию диалектизмов можно определять происхождение автора из той или иной местности. Ошибки в языке могут привести к определению национальности автора и т. д. Изучение данных языка помогло установить ряд переводов, принадлежавших болгарским первоучителям¹. Исключительный интерес представляют собой соображения А. А. Шахматова, касающиеся определения автора «Русского хронографа»².

А. А. Шахматов доказывает, что Русский хронограф был составлен сербом в России. Помимо соображений, касающихся содержания Русского хронографа, в котором органически слиты статьи русского и сербского происхождения, А. А. Шахматов приводит и доказательства лингвистического характера. В Хронографе имеется ряд сербизмов, при этом не только в статьях, посвященных мировой истории, но и в русских по своему происхождению. Так, Корсунь названа в Хронографе по-сербски — Херсонь или Херсунь (редакция 1512 г.), русские князья Святослав и Святополк названы, согласно сербскому произношению этих имен, Цветослав, Цветополк, «бык» заменен сербским словом «юнец», вместо «были» («а москвичи были под Вязмою») сказано «били», вместо «плоть» сказано «путь» и т. д.

Но самое интересное, что наряду с сербизмами Русский хронограф включает в себе и «антисербизмы», т. е. неправильные попытки избавиться от сербизмов — попытки, которые могли принадлежать только сербу, плохо знавшему русский язык, но стремившемуся писать по-русски. А. А. Шахматов пишет: «...кроме сербизмов, в обилии встречающихся на всем протяжении Хронографа по спискам редакции 1512 года, внимание наше останавливают некоторые случаи, которые можно назвать антисербизмами, а именно неправильную, вызванную ложною аналогией замену того или другого сербского звука русским. Так, например, русскому *ол* соответствует в живом сербском произношении *у* (волк — вук, полн — пун); этим объясняется появление в Хронографе *ол* вм. *у* и там, где сербскому *у* соответствует в русском языке *у*. Так, форма молчаше, читаемая в списке Погод. № 1404а (список без всякого сомнения русский) вм. мучаше, восходит, думаю, к первоначальной редакции Хронографа»³. Далее А. А. Шахматов приводит и другой антисербизм: «благооболчен» вм. «благообучен». А. А. Шахматов пишет: «Появление антисербизма, как молчаше вм. мучаше, может быть обязано

¹ См. об этом: А. В. Михайлов. Опыт изучения текста Книги Бытия пророка Моисея в древнеславянском переводе, ч. 1. Паримийный текст. Варшава, 1912. С. 16.

² А. А. Шахматов. 1) К вопросу о происхождении Хронографа. — Сборник ОРЯС, т. LXVI, № 8, 1899; 2) Пахомий Логофет и Хронограф. — ЖМНП, 1899, № 1.

³ А. А. Шахматов. К вопросу о происхождении Хронографа. С. 77–78.

только сербу и притом сербу, или списывавшему русский подлинник или писавшему в России: читая *ол* русских книг как *у*, он, не справляясь с действительным русским произношением, мог писать *ол* и там, где русские произносили *у*¹.

Установив принадлежность Русского хронографа сербу, писавшему в России, А. А. Шахматов далее на основании анализа принадлежащей Пахомию Сербу и находящейся в Хронографе «Повести об убиении Батыя» и ее связей с остальным текстом Хронографа приходит к выводу, что Русский хронограф был составлен именно Пахომием Сербом. Убеждает А. А. Шахматова в том, что составителем Русского хронографа был Пахомий Серб, то обстоятельство, что в некоторых других рукописях, принадлежащих перу Пахомия, мы встречаемся с точно такими же сербизмами и антисербизмами, как и в Русском хронографе².

Впрочем, отметим, что Пахомий Логофет (или Серб) не был единственным сербом-писателем в России. В начале XVI в. в России работал, например, Аникита Лев Филолог — серб по происхождению, составивший ряд больших литературных произведений для России³. Могли быть и другие сербы-писатели.

Приведем еще один пример удачной атрибуции по данным языка. Чрезвычайно интересный анализ языка, орфографии, орфографических ошибок и графики письма Лжедмитрия I папе Клименту VIII дан С. Л. Пташицким⁴. Самозванец отправил, как известно, в апреле 1604 г. из Кракова письмо папе на польском языке, в котором заявлялось об его отречении от православия. Изучение языка показывает, что письмо составлено литературно образованным человеком, превосходно знавшим польский язык, пользовавшимся тонкими оборотами и фразеологией, которая составляет «роскошь польского языка», а переписывалось письмо лицом, плохо знавшим польский язык, допускавшим в орфографии и в графике ошибки и особенности, выдающие в писавшем человека московского образования, близкого по почерку к почеркам канцелярии думного дьяка Б. И. Сутупова. Письмо показывает, кроме того, что писавший знал греческий язык, был знаком с латинской графикой, но не имел навыков в польском письме. «Ввиду такой двойственности — хорошего текста и плохой переписки — приходится, не колеблясь, заключить, — пишет С. Л. Пташицкий, — что составитель письма и его переписчик две разные личности, что Самозванец переписывал готовый текст, составленный для него лицом, опытным в польском языке. Так

¹ А. А. Шахматов. К вопросу о происхождении Хронографа. С. 78.

² Там же. С. 80.

³ См.: Д. С. Лихачев. Забытый сербский писатель первой половины XVI века Аникита Лев Филолог. — В кн.: Горски вијенац. A garland of essays offered to professor E. M. Hill. Cambridge, 1970. P. 215–219.

⁴ С. Л. Пташицкий. Письмо Первого Самозванца к папе Клименту VIII. — Изв. ОРЯС, 1899, т. IV, кн. 1.

как письмо это переписано и подписано несомненно собственноручно самим Самозванцем, то оно свидетельствует, что Самозванец был лицом великорусского происхождения, опытным в письме московского характера и притом типа письма канцелярии Сутупова..., вместе с тем не чужд был греческой грамоте, но не имел навыка в польской речи и с трудом овладевал польскою графикой»¹.

Любопытно, что удалось установить даже такую деталь, что Самозванец переписывал готовый текст в присутствии лица, хорошо знающего польский язык, которому иногда вовремя удавалось его исправлять².

Одновременно с исследованием С. Л. Пташицкого вышло исследование того же письма Самозванца И. Бодуэна де Куртенэ, в котором последний приходит к очень сходным выводам, совершенно независимо от С. Л. Пташицкого³.

Мы можем сказать прямо, что данные языка древнерусских произведений (если только их строго отделять от данных стиля) представляют очень важный материал для суждения о происхождении автора. Исследование этих данных облегчается тем обстоятельством, что в Древней Руси не было устойчивой орфографии и устойчивых требований литературной речи, и поэтому природный язык автора не ограничивался в той же мере обязательными нормами, что язык авторов нового времени. Новгородизмы и псковизмы, оканье и аканье, отдельные областные слова проникали в древнерусскую письменность довольно свободно, позволяя тем самым легко определять областное происхождение автора. Дело затрудняется только тем обстоятельством, что язык переписчика или редактора проникает в произведение с такой же легкостью, с какой в ней сказывается и язык автора. Поэтому чрезвычайно важно выявить все признаки, по которым мы можем отделить языковые особенности переписчика или редактора, проникшие в произведение, от языковых особенностей авторского текста. Само собой разумеется, что лексика будет меняться переписчиком реже, чем редактором, и что лексические данные поэтому будут наиболее показательными для языка автора в отличие от языка переписчика или редактора. Но в целом надежно помочь в этом отделении языка переписчиков и редакторов от языка автора сможет только исследование языка в с е х списках и установление и с т о р и и т е к с т а произведения. Следовательно, и в этом вопросе и с т о р и я т е к с т а играет решающую роль.

Механические приемы выделения авторского языка, путем ли отбрасывания индивидуальных чтений или подсчета большинства чтений, здесь не годятся, как они не годятся и в других случаях.

Особое значение для определения писца, которым может иногда оказаться и сам автор, или для определения переписчика, который может быть

¹ С. Л. Пташицкий. Письмо Первого Самозванца к папе Клименту VIII. С. 407–408.

² Там же. С. 410.

³ См.: Sprawozdania Akademii Umiejętności w Krakowie, 1898, № 10.

и редактором произведения (с этими возможностями надо всегда считаться), имеют ошибки и описки. Для каждого писца характерны свои типы ошибок, пропусков, неграмотностей. Один писец делает по преимуществу слуховые ошибки, другой — зрительные (это зависит от типа памяти; при переписывании или писании писец запоминает определенные куски текста). Отдельные ошибки свойственны старикам, другие — молодым. Есть типы ошибок, вызванные психическими травмами, другие являются следствием недостаточности общего развития, неосведомленности писца и т. д.

Изучая типы ошибок, можно установить общего переписчика для ряда рукописей или для их протографов. К сожалению, изучение психологии ошибок у нас не ведется, а это было бы чрезвычайно важно для установления авторов, писцов и переписчиков.

Существенное значение в определении авторства следует придавать совпадению показаний разнородного характера. Если к установлению авторства приводит группа разнородных признаков, например основанных на анализе языка и стиля, идейного содержания, на косвенных указаниях в тексте самого произведения и в документах эпохи, на анализе почерка, — то доказательность атрибуции значительно повышается. Мы могли бы сравнить атрибуцию по разнородным признакам с определением точки в пространстве по нескольким координатам.

Блестящий пример отождествления трех авторов на основании нескольких разнородных признаков представляет собой фундаментальная работа И. Денисова о Максиме Греке¹.

До 1943 г. о жизни Максима Грека в Италии и на Афоне было известно лишь из случайных упоминаний о ней самого Максима Грека в его сочинениях. Имя Максима Грека, которое он носил в Италии и у себя на родине, было неизвестно. И. Денисов обстоятельно доказал, что Максим Грек — это итальянский гуманист Михаил Триволис и афонский монах Максим Триволис. Тем самым сочинения Максима Грека оказались пополненными рядом его произведений, относящихся к итальянскому и афонскому периодам его жизни: четыре письма Михаила Триволиса, написанные из Мирандолы, два письма Михаила Триволиса, написанные из Флоренции, эпитафия Иоакиму I, патриарху константинопольскому, эпиграмма, посвященная великому ритору Мануилу, три эпитафии Нифонту II, патриарху константинопольскому, и канон Иоанну Крестителю.

Светское имя Максима Грека — Михаил Триволис и афонское — Максим Триволис — установлено И. Денисовым следующими путями. Прежде всего он сопоставляет данные о Максиме Греке, известные из русских ис-

¹ *Élie Denissoff. Maxime le Grec et l'Occident. Contribution à l'histoire de la pensée religieuse et philosophique de Michel Trivolis. Paris, 1943.*

точников, с данными о Михаиле Триволисе, открытыми им в архивах и источниках Италии и Афона.

Из русских источников известно, что Максим родился в городе Арта в Эпире и что имя его отца было Мануил. О Михаиле Триволисе на основании архивных источников И. Денисов установил, что отец его был Эммануил, родом из города Арта.

Из русских сочинений Максима Грека известно его описание монастыря св. Марка и монашеской жизни доминиканцев. О Михаиле Триволисе известно, что он был пострижен в монахи, а затем отказался от монашеской жизни.

А. Курбский упоминает о том, что Максим Грек был учеником гуманиста Иоанна Ласкариса. В Национальной библиотеке в Париже имеется переписанный Михаилом Триволисом список греческого сочинения «Геопоники» с надписью Михаила Триволиса, что список этот изготовлен им для Ласкариса.

Из сочинений Максима Грека известно, что он пробыл на Афоне приблизительно с 1505—1506 г. до 1516 г. Именно к этому времени относятся и афонские стихи Максима Триволиса.

Знаменательно, что сведения о Михаиле Триволисе в Италии исчезают как раз с того времени, когда на Афоне появляются документы о Максиме Триволисе, а этот последний исчезает на Афоне как раз тогда, когда в Москве появляется Максим Грек.

Мы привели лишь важнейшие совпадения. Все данные о Максиме Греке, Максиме Триволисе и Михаиле Триволисе сведены И. Денисовым в таблицу. Слева он помещает сведения из русских источников о греко-итальяно-афонском периоде жизни Максима Грека, справа — сведения о Михаиле Триволисе и Максиме Триволисе. В большинстве сведений обе колонки согласуются, и нет ни одного факта противоречия в источниках.

Окончательно устанавливается тождество Михаила Триволиса, Максима Триволиса и Максима Грека путем сопоставления почерков автографов всех трех. Одно сличение почерков или одно сопоставление биографических данных не могло бы дать таких достоверных доказательств, как совпадение показаний разнородного материала.

В качестве примера удачной атрибуции по встречающимся в произведении разнородным данным об авторе может служить также работа Н. С. Сарафановой «Неизданное сочинение протопопа Аввакума»¹. Речь идет о сочинении, названном П. С. Смирновым «Посланием трем неизвестным»².

Н. С. Сарафанова углубила и развила атрибуцию этого сочинения, произведенную П. С. Смирновым, и приписывает это послание Аввакуму по следующим основаниям. «Как явствует из первых же строк Послания, автор, ревностный защитник старообрядчества, пишет его, находясь “в Пустозерье”, а в свое время он был и “во странах сибирских от врага патриарха”,

¹ ТОДРЛ, т. XVI. М.; Л., 1960.

² П. С. Смирнов. Предисловие к прочим сочинениям протопопа Аввакума. — РИБ, т. 39. Л., 1927. С. LXXX—LXXXII (Памятники истории старообрядчества XVII в., кн. I, вып. 1).

только "лет 15" минуло, как его "из Даур привезоша". Раньше церковные власти "многия" были автору "друзья духовные", он был близок с Ртищевыми, и "царь его зело милосердовал", особенно "добра была царица Марья". Но автор "звратил бранью их", и "его сюды послали". Боярыню Морозову он называет своей "духовной дочерью". «Во всех этих фактах, сообщаемых автором, — добавляет Н. С. Сарафанова, — нельзя не узнать судьбы протопопа Аввакума»¹. Анализ идейного содержания и стиля послания полностью подтверждает вывод об авторстве Аввакума.

Другим образцом точной атрибуции по разнородным данным может служить определение А. А. Шахматовым автора «Сказания о градех» с описанием города Египта, т. е. Каира. В специальном исследовании, посвященном этому вопросу², А. А. Шахматов обращает внимание на следующие обстоятельства. Во встретившемся ему списке (БАН, 17.9.9; прежний — акад. 399) в заголовке произведения имеется дата: «Лета 7001 сказание о градех». Затем, «Сказание» несомненно составлено русским: дворец египетского султана сравнивается по размерам с московским кремлем («с Москву с кремль»). В конце «Сказания» назван человек, рассказы которого послужили материалом для сказания: это казначей великого князя Михаил Григорьев, ездивший послом в Египет. На этом основании А. А. Шахматов предположил, что автором этого произведения и двух других, связанных с ним по содержанию и стилю, — «Описания Царьграда» и «Царства Цареградского устав чином», — является дьяк Михаил Григорьев Мисюр Мунехин. Прозвище Мисюр могло быть дано Мунехину по его поездке в Египет (древнее название Египта было Мисюр). Однако дальнейшее изучение показало, что в других списках «Сказания о градех» вместо «Григорьев» читается «Гирев» и даже «Георгиев», а датировка произведения другая — 1522 г. Окончательное решение вопроса об авторстве этого «Сказания» смогло быть сделано только после того, как А. А. Шахматов разбил списки на редакции, выяснил старшинство и взаимоотношение редакций, палеографически объяснил дату 7030 как ошибочную из 7001 («а» было принято за «л» — обычная ошибка в древнерусских цифрах), выяснил происхождение прозвища дьяка Мунехина, установил основные факты его служебной карьеры, сопоставил данные «Сказания» с историческими данными (в частности, было установлено, что «Сказание» повествует о Египте еще до подчинения египетского султана туркам, т. е. до 1517 г.). Только подробное исследование всей истории текста «Сказания» с привлечением данных истории текста связанных с ним произведений, данных биографических и исторических позволило А. А. Шахматову окончательно решить вопрос об авторстве «Сказания». Правда, некоторые данные по истории текста «Сказания» подверглись впоследствии обоснованному сомнению (принадлежность Хронографа редакции 1512 г. старцу

¹ ТОДРЛ, т. XVI. С. 258.

² А. А. Шахматов. Путешествие М. Г. Мисюра Мунехина на Восток и Хронограф редакции 1512 г. — Изв. ОРЯС, 1899, т. IV, кн. I.

Елеазарова монастыря Филофею), однако в целом атрибуция А. А. Шахматова оказалась достаточно убедительной¹.

Показательна попытка Б. А. Рыбакова установить автора «Слова о полку Игореве»². Все прежние предположения об авторе «Слова» (Митус, Беловод Просович, Ольстин Олексич, княгиня Агафья Ростиславна и под.) по существу не имели никаких оснований, кроме примитивного допущения, что современник событий мог написать о «былинах» своего времени. Литературный талант и широкая историческая осведомленность автора «Слова» в этом случае совершенно произвольно приписываются тому или иному лицу. Б. А. Рыбаков строит свою гипотезу на фактическом материале — на возможности сопоставления реально существующих текстов — летописного текста, приписываемого Петру Бориславичу, и текста «Слова». Именно сравнение текстов позволяет Б. А. Рыбакову сделать ряд сопоставлений: указать на «единство времени и места жизни» летописца и автора «Слова», на одинаковые симпатии и антипатии их, на сходство в оценках конкретных князей и их деяний, на «удивительное единодушие» в оценке политической структуры Руси XII в. Летописный текст позволяет судить о наличии у Петра Бориславича литературного таланта. Обнаружен и ряд прямых лексических совпадений между «Словом» и летописным текстом, на которые указала В. Ю. Франчук³. И хотя Б. А. Рыбаков формулирует свою гипотезу весьма осторожно («поразительное сходство, переходящее порой в тождество, почти всех черт обоих произведений... не позволяет полностью отбросить мысль об одном создателе этих двух одинаково гениальных творений»)⁴, важно принципиальное отличие этой гипотезы от упомянутых догадок об авторе «Слова» — перед нами разноаспектное сопоставление, основанное на реально существующих текстах.

Другой пример основательной атрибуции — это установление Р. П. Дмитриевой автора «Повести о Петре и Февронии»⁵. Исследовательница вернулась к возникшему еще в середине прошлого века спору о времени создания и авторе «Повести», располагая результатами произведенного ею полного текстологического анализа произведения. Р. П. Дмитриевой удалось доказать, что установленный ею первоначальный текст «Повести» оказался совершенно идентичным тексту, обнаруженному в сборнике с произведениями Ермолая-Еразма (ГПБ, Соловецкое собр., № 287 / 307). Вывод о написании «Повести» Ермолаем-Еразмом нашел и другое важное подтверждение:

¹ См. об этом выше. С. 326.

² Б. А. Рыбаков. Русские летописцы и автор «Слова о полку Игореве». М., 1972. С. 499–512.

³ В. Ю. Франчук. Мог ли Петр Бориславич создать «Слово о полку Игореве»? (Наблюдения над языком «Слова» и Ипатьевской летописи). — ТОДРЛ, т. XXXI. Л., 1976.

⁴ Б. А. Рыбаков. Русские летописцы и автор «Слова о полку Игореве». С. 515.

⁵ Повесть О Петре и Февронии. Подгот. текстов и исследование Р. П. Дмитриевой. Л., 1979.

текстологическое исследование «Повести о рязанском епископе Василии», стилистически близкой к «Повести о Петре и Февронии», показало, что и ее первоначальный текст соответствует тексту, находящемуся в том же Соловецком сборнике. Следовательно, и эта повесть принадлежит тому же автору.

С другой стороны, исследование Р. П. Дмитриевой позволило отвергнуть выдвигавшееся ранее предположение о том, что Ермолай-Еразм обращался к работе над «Повестью о Петре и Февронии» в 60-е гг. XVI в. Тот текст, который считался второй авторской редакцией (рукопись ГБЛ, собр. МДА фонд., № 224), представляет собой редакторскую обработку одного из списков первой редакции, содержащих изменения, возникшие в результате неоднократной переписки. Поэтому редактор этого списка и автор первоначальной редакции не могут быть отождествлены.

Итак, и на этом примере видно, что окончательную атрибуцию произведения может дать только полная история текста произведения. Как бы убедительны ни были отдельные соображения и отдельные данные, если не выяснены тексты всех редакций, не учтены разночтения в местах, служащих для обоснования атрибуции, не прояснен вопрос о границах произведения, не установлена дата произведения и т. д., — никакая атрибуция не может считаться убедительной.

При определении авторства в древнерусской литературе в тех случаях, когда нельзя точно найти автора, — большое значение имеет ограничение того круга, из которого мог выйти автор: ограничения хронологические, территориальные, социальные и т. д.

По существу здесь атрибуция произведения переходит в его непосредственное историко-литературное изучение, и нет смысла поэтому этот вопрос о частичной атрибуции рассматривать во всей его полноте. Мне хочется, однако, остановиться на одном способе частичной атрибуции, который очень часто применяется исследователями древнерусской литературы, но заключает в себе существенные опасности. Способ этот основывается на использовании того типа доказательства, который принято называть *argumentum ex silentio*.

В самом деле, в поисках автора исследователи очень часто прибегают к выявлению того круга явлений, о которых произведение умалчивает. Эти умолчания иногда и в самом деле помогают сузить круг возможных авторов, точнее определить автора во времени, в социальной сфере и в географических пределах, но пользоваться ими нужно с очень большой осторожностью.

Приведу пример неосмотрительного пользования этим аргументом. В. Мансикка в своем исследовании Жития Александра Невского отмечает, что автор его не был ни новгородцем, ни псковичем: «Легко доказать, что автор не был новгородский или псковский житель, — пишет В. Мансикка. —

В его рассказе нет таких подробностей, которые известны местным новгородским и псковским летописям и которые предполагают знакомство с местной традицией или обнаруживают пристрастие к местным интересам. Нет, например, упоминания о свадьбе князя, нет известий о его ссоре с новгородцами, о его походе на Емскую землю, о татарских численниках и т. д. Рассказ о взятии немцами Пскова и о построении города "во отечестве Александрове", т. е. Копорьи, отличается крайней голословностью, между тем как местные летописи могли бы сообщить автору жития кое-какие подробности. Местные летописи перечисляют народы, которые принимали участие в первом походе против Александра, и упоминают о шведском князе, его епископах и воеводе Спиридоне; автор же жития говорит довольно глухо о "римлянах" и о "короле" их. Летописец выводит Александра против неприятеля вместе с новгородцами и ладожанами, называет число и месяц, когда была знаменитая "сеча свеем", 15 июля, и перечисляет по имени убитых новгородцев, которых вместе с ладожанами не оказалось больше двадцати; биограф же Александра заставляет своего героя выступать без новгородцев, с немногочисленной княжеской дружиной, определяет время воскресеньем, днем памяти таких-то святых, и об убитых не говорит ни слова. Подробности, касающиеся битвы на Чудском озере и приведенные в летописи: обозначение числа, 5 апреля, местностей и количества немецких потерь, не говоря о подробностях самого боя, в житии совершенно опущены¹.

Я привел это место из исследования В. Мансикки, так как аргументация его в пользу того, что составитель «Жития Александра Невского» не был ни новгородцем, ни псковичем, считается исследователями в общем приемлемой. Однако она же отчетливо выявляет всю слабость такого рода рассуждений. В. Мансикка сравнивает летописи и житие и отмечает то, что отсутствует в житии сравнительно с летописью, но совершенно не учитывает различие в жанрах и в задачах произведения. Все то, что отсутствует в житии, могло отсутствовать в нем и в том случае, если бы автор его был новгородцем и псковичем, — единственно вследствие жанровых особенностей жития, не допускающих излишней детализации и конкретизации изображения.

На этом примере видно, что пользоваться умолчанием автора о каких-то современных ему событиях надо с большой осторожностью. Нельзя, во всяком случае, не учитывать возможности других объяснений авторского умолчания.

Итак, определяя автора того или иного произведения, нужно проделывать почти всю работу, связанную с его историко-литературным изучением. Необходимо знать историю текста произведения, его литературные тради-

¹ В. Мансикка. Житие Александра Невского. Разбор редакций и текст. С. 15–16.

ции, его эпоху и т. д. На всех стадиях этого историко-литературного изучения произведения могут явиться счастливые находки, которые дадут возможность установить его автора. Нет, следовательно, такой стадии изучения памятника, на которой мы могли бы сложить оружие и заявить: автор его найден быть не может.

Но если брать вопрос в целом, то можно сказать, что есть отдельные стороны в изучаемом памятнике, которые чаще всего способствуют открытию автора. Надо в первую очередь внимательно изучить все высказывания автора произведения о самом себе, сделаны ли они в третьем лице или в первом. Надо обращать внимание на хронологию произведения и на место его возникновения, на идеологию (по преимуществу на оттенки), на стиль, на язык, ловить писателя на таких высказываниях, которые могли бы быть сделаны в специфических условиях, которые могли принадлежать не всякому. Обнаружить такие данные об авторе — дело внимания, таланта исследователя и несомненно счастливого случая. Но ни в коем случае нельзя ограничивать установление авторства только одним каким-нибудь рядом аргументов: палеографических, языковых, биографических, идеологических и т. п. Взаимодействие различных методов атрибуции — необходимое условие ее достоверности.

Если данные об авторе нашлись, необходимо точно определить, в чем состояла его работа, не смешать автора с переписчиком или редактором, определить границы того произведения, которое он создал, определить — в чем состояла его работа.

В этих последних задачах состоят специфические трудности атрибуции в изучении древней русской литературы. Атрибуция тесно связана со всеми видами историко-литературного исследования памятника.

Как в искусствоведении при определении художника наиболее показательные детали извлекаются из второстепенных деталей живописи (например, из приемов, которыми написано ухо), так и при определении автора произведения очень важны специфические частности. Так, например, при атрибуции по идеологическим соображениям решающее значение имеет иногда не основная мысль (общая ряду авторов в силу отражения в ней идеологии класса или какой-то группы людей), а оттенки мысли, детали — все то, что индивидуально для данного автора.

«Официальные» данные об авторе в названии произведения менее достоверны, чем неофициальные. Косвенные указания более бесспорны, чем прямые; преднамеренные указания менее достоверны, чем непреднамеренные и, казалось бы, «случайные»; явления языка дают больше иногда, чем явления стиля, и т. д. Одним словом, очень часто «второстепенное» оказывается для атрибуции первостепенным, а «первостепенное» — второстепенным. Атрибуция имеет свой выбор фактов.

Такого рода преимущество деталей в атрибуции перед общим заставляет быть исследователя весьма осторожным и с особым вниманием следить за согласованностью различных показаний.

В древней русской литературе почти во всех случаях дело обстоит таким образом, что полную уверенность в точной атрибуции памятника мы можем получить только в результате полного же его историко-литературного изучения. При этом атрибуция памятника есть только один из моментов исследования истории его текста.

Подделки

В наших рукописных хранилищах имеется довольно много подложных документов. Таковы, например, поддельные грамоты русских князей монастырям — вроде грамоты Андрея Боголюбского Киево-Печерской лавре¹, или грамоты Дмитрия Донского Троице-Сергиеву монастырю², или подложные произведения с целью защиты какой-либо вероисповедной точки зрения: старообрядческой против православных или православных против старообрядцев (например, Деяние соборное на еретика армянина Мартына и Феогностов «Требник»)³, защита русско-литовских антитринитариев против православных (письмо половца Ивана Смерты князю Владимиру)⁴ и т. д.

Аналогичное положение существует и в западноевропейских рукописных хранилищах, где находится очень много поддельных памятников.

Известны старинные подделки, например, грамоты короля Дагоберта монахам аббатства С.-Дени, Псевдо-Исидоровы декреталии, некоторые грамоты Карла Великого, грамота Константина Великого папе Сильвестру и т. д. Все эти поддельные документы сыграли в свое время крупную роль, а на

¹ *Митр. Макарий*. История Русской Церкви, т. III. Изд. 3-е. СПб., 1888. С. 41–55.

² *Иером. Арсений*. О вотчинных владениях Троицкого монастыря при жизни его основателя, преп. Сергия. — ЛЗАК, вып. VII. СПб., 1884. С. 139–175.

³ *В. Г. Дружинин*. 1) Поморские палеографы начала XVIII столетия. — ЛЗАК за 1918 г., вып. 31. Пг., 1923; 2) Дополнение к исследованию о поморских палеографах начала XVIII века. — ЛЗАК за 1923–1925 гг., вып. 33. Л., 1926. — Один из лучших и наиболее полных разборов подложности обоих памятников принадлежит старообрядческому деятелю и писателю начала XVIII в. А. Денисову. В своем разборе А. Денисов использовал аргументы палеографические, языковые, исторические, богословские и пр. Подложность обоих памятников была настолько основательно доказана, что обе рукописи были изъяты из обращения официальной церковью и опечатаны.

⁴ *Н. Малышевский*. Подложное письмо половца Ивана Смеры к вел. кн. Владимиру. — Труды Киевской духовной академии, VI–VII. 1876 (здесь же литература вопроса). — Как это ни странно, письмо половца Ивана Смеры, которое поразило своей фантастичностью еще Н. М. Карамзина, было снова в 1950 г. принято за подлинное (*Л. Теплов, В. Немировский*. Книгопечатание — русское изобретение. — Лит. газ., 1950, № 27 (2618) от 1 апреля).